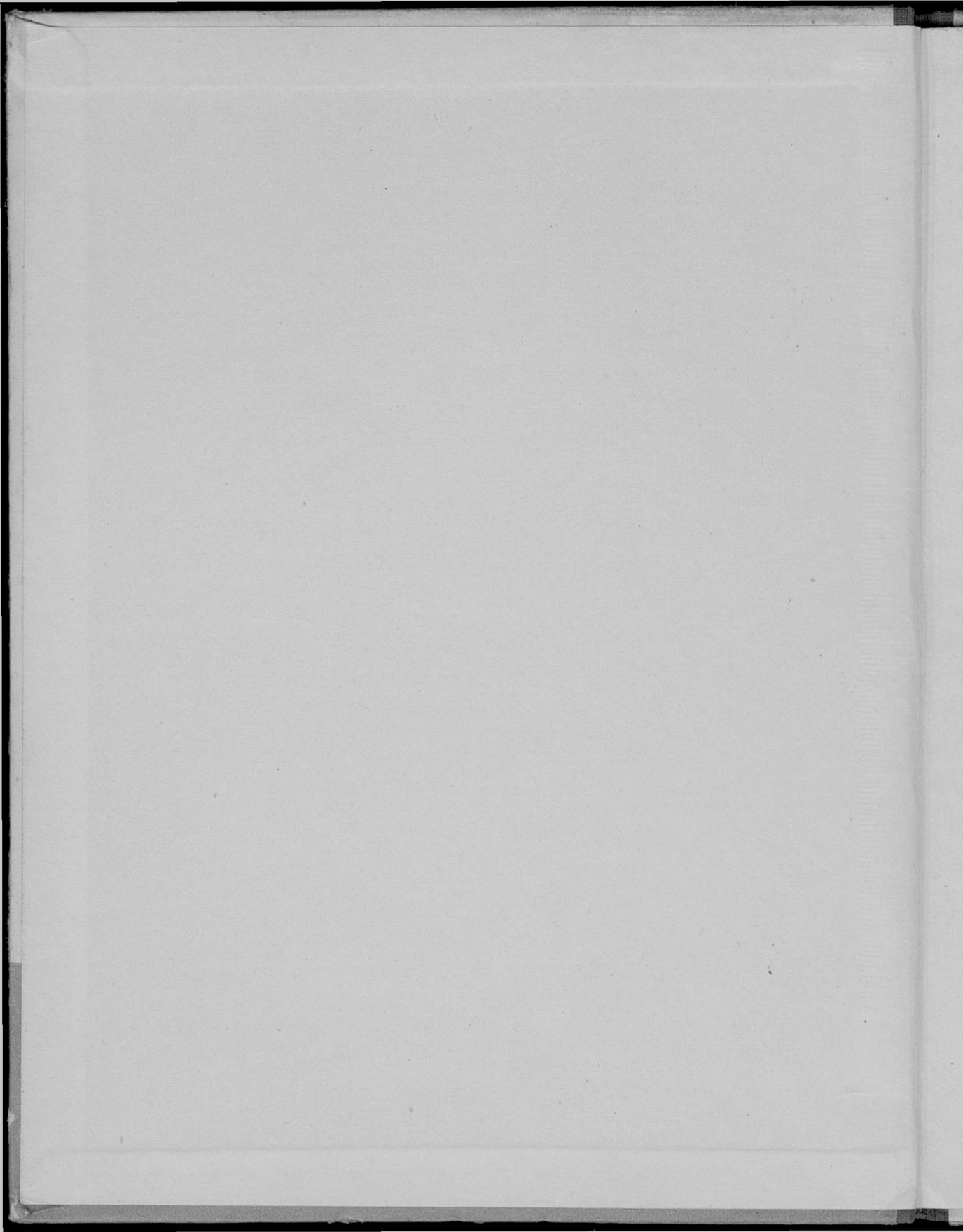

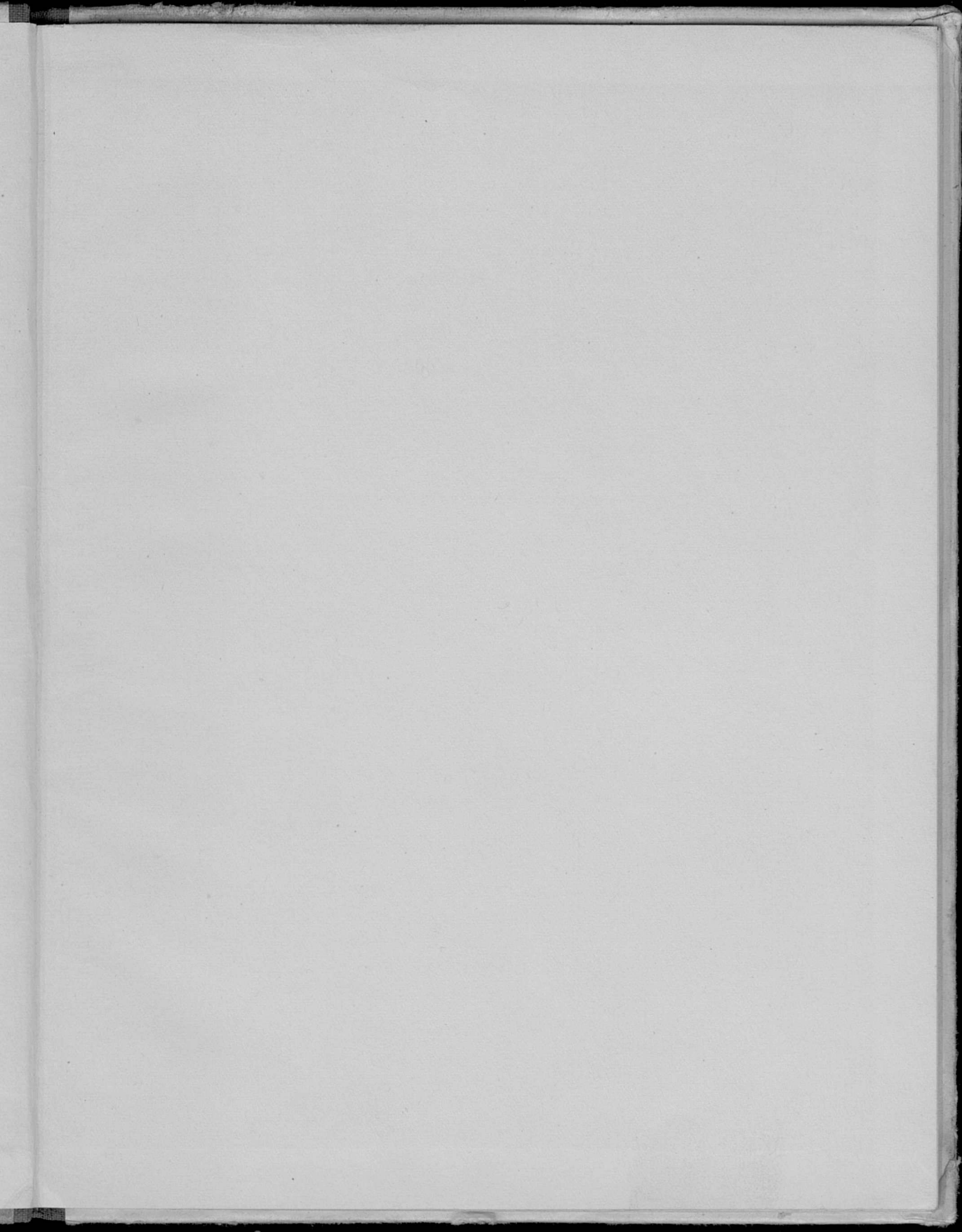
Т. СЁМУШКИН

ТАЛЕКО
НЯБИ НИНЯ ПИННА
ЛИЛИТАДА

УЧПЕДГИЗ • 1953

Т. СЁМУШКИН

ТАЛЕКО И ЕГО ХРАБРЫЙ ЛИЛИТ

НА НЕНЕЦКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕВЁЛ
П. ЛАПТАНДЕР

РИСУНКИ
П. М. КОНДРАТЬЕВА

*Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград*

Ненец.

3-51

Т. СЕМУШКИН

**ТАЛЕКО
НЯБИ НИНЯ ПИННА
ЛИЛИТАДА**

*НЕНЭЦЯ ВАДАВНА П. ЛАПТАНДЕР
ПАДАДАСЬ*

*КАРТИНКАДА П. М. КОНДРАТЬЕВ
ПАДАТАВЫ*

*Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград*

3-21
1-2-1954

Г. С. С. С. С. С.

КАТЕГОРИИ РАБОТНИКОВ И СЛУЖАВЩИХ

ВВЕДЕНИЕ

Ленинград, 1954

Пудана урок нита нгэлмана пон ентысь Ёльце'махаданда Талеко школахаданда нита нерня сюрбыць. Пэ' нимня сантырць-пыда харта мяканда ныхында валакан сюрбы'. Январской сэратад' нид, хайпа' нид пэ' нимня насадарма' пирась. Ябтэй нгындацавэй' нюлак' пибида насадарпато' нго' Талеко нгоп-хорт мэва' ниць мо'на'. Харта ю' похонанда сата санаясь. Школахана нивы нгэбта тоходан' пыда нга'на няк'мана хане-нгузь. Теда' нгани' халяком хадабахарта танггда янгуу. Навага халяком хадаба иб' саць сава.

Талеко парумбись. Ирий валакада яв' харэнггаха' пакальць-пий'. Пэвдяхана нгани' салаби' понд нин хант'.

Пяталць Талеко мяканда мунггамъяць. Пыда минханда нём-тядамла, падрота нгэсям небяханда ми'нгада. Тад тикахад пыда парумба халям хадамба мэта вадамда, няк' хобахад сэдвы нгэсякомда мэ'махаданда пин санай'.

— Талеко! — небянда вабц сули'. — Пыдар хунван ханяхава' нин харва'? Школьной едэй юн намдвам ханзер' мэневав пыдар нгамгэ юрар?

— Нингэй, Уакат! Халяком хада'махадан вадцакын! — нгацекы сюрбаванда сер' төрей'.

Сэдоравы Уакат тамна нгамгэхэвам ваде'нгась, Талеко нгани' мале лабсуй яв' сят сюрмбись.

Пуй нгу'умнанда пэ'нимня мантырць Лилит нявотысь. Лилит пильнзьяда, ливарпэй вэнеко. Пыда пили' няк'юрт масарцеты'. Лилит ибета, несъдана вэнеко нивы нгэбта нга' сяма' пир нись нгэнггу'. Лилит сэвха'нанда ярць, писензь пирцетыда. Талеко вэнеком хабцянггад нгэдадась. „Сэр' вэн' нюм иле хаеб' — нгавар хумбанзи' ханта. — Тенмау тидяда тарем мась. — Сян'мана нгод' няданда ненэй вэнеко ни нгадимд'“.

Тенмау вэнеком хадаван харвадась. Талеко тидямда вэнекоцям нилы хадава е'эмня ня'ладась. Тикы ялярихина вэнекохонда нюмдамда ми'нгась — „Лилит“, нябинзер': „Нгоба“. Та малынггэхэд Талеко Лилитанда ня' поюди' саваць.

Халям хадаба мэта вадакомба ха'аврабта'махаданда Талеко нульяць, пумнанда нявотада Лилитм сэвте. Талеко нерцирей'. Пыда вэнеконда сейм харемба мась:

— Лилит, тяха', мяканд хань'!

Ерванда самбхэй вабц вэнеком нултада. Пыда пуний нгэта ни' нгамдхая ёря тэвамда халцу'тя'ла. Талеко сята вэбтый нгэбта нго', нирцънгода сабколтабто' нго', пибтингода посёбто' нго' Лилит няханда несъдась, ванерабтысь.

— Тяха', мяканд, Лилит! — Талеко тамна нгопой' тёрей'.

Ханзер' Талеко нерня сюрбхава Лилит санай', пу'ларёда нгобадарев' нгацекы' нгу'умна пу'лай'.

Талеко няхар' мэва' нулннгась, няхар' мэва' вэнеконда сейм харебись. Талеко тад тикахад сабцямда сабцясь: „Нгули' Лилит са'лимя, валакада ялям маремби“.

Тэдорпава, питарпава — нгамгэхэрт вэнеком нись мадаршо'. Хусувэй мэва' ерванда няку' хэван нисьты харва', нгахаку' нгамдсеты', сюри хэхэдёймдесеты. Валакада хахатата ня'амхая мят мовамбирась.

Лабэхэй яв' сят тэвхава Талеко няк' паданда ни' нгамды'. Няк' паданда ниня лэркабт' хайхалмы нгэбта пыда мунггдарев' яв' харэнггаха' тэвнгуць. Няк' хоба сыра' нимня сававна хайхалты'.

Талеко едейко хэванда нерцюна маханда няд нгарка вэн' мадм намда. Пыда ённгманда сер' тэринда ванерабтай'. Париденя', тянёмбовна паярка' сэвда хумбанзи' ялкадалаяд'. Лилит

тарця сангом нгули' теневада. Са'лимдадрев' пыда тэвамда халцо'ла пя. Нгэвамда паркая' Талеко еванза ма:

— Эх, Лилит! Школахана тарем хормэр нгэирась!

Лилит тикырим нгатева. Ерванда еванзада вабцм намдхава пыда лэрэ санай', пад' ниня нгамдэда Талеко' пулы' ни' хадерй'.

— Нгэбцу,—Талеко ма,— хантанакэни'.— Пыди' тад ядувна пу'лаванди сер', Лилит' сэвта хаямзь индта мадарй'.

Салаби' понггана Талеко маямбада ихинанда харта пыдамда танггнангэ толамбидась. Харэ' тад тикахад ябирена сыра ирий яляхана лаханакохона нгэда то'олхаць. Ирий' ябиребтавы сыра школа' махалэй' ниня нгэда еся хубттарев' салъяць.

— Сыркар', Лилит,— Талеко ма,— тюку тямда' парашют' то'олха. Парашют нгамгэ нгэвам теневадыв'?

Лилит мале нерняна нявотысь; пыда нгобтарем маймбись.

Талеко янгганабцямда ня'амба парумбада ядабцахана ядась. Маханда ниня няк' падда, халям хабада мэта вадакода лянггабты-хынзь. Нгамгэхэван инзеле пыда мэсь хибядарев' янгганабцянда малхаа салабам мадембсеты.

Хой' ниня нгэда нгэсыхыд хибяри' вабц', вэнеко' мад' соць. Нерняна, салабаха'на, пили' марнэрта яв' марна сось. Хэ'нэхортахана салаба мимбта нго' яв' энд' хасенавам ни мипю'. Талеко тикы тарця нгэвам нга'на теневадась.

Лилит нерняна нявотысь. Лакамбой ервханда сылахая пыда салаба' нимня пу'ласеты'. Хурка пыда тэмбарик'я! Сыркар' нгани': нгамгэ пыда нулй', нгамгэ сэвха'нанда письнга?

Талеко някунда хэхэя манзь ханада:

— Лилит, пыдар серо'нган! Си'им нгатенадарев' пыдамд пэрнгар? Лилит, сян'мана нгод' пыдар си'им нин тэмбаранггу'! Ханя' хэсь таравам пыдар ехэрар.

Хо'леркая Талеко вэнекомда салатамба пяда, нюкуць ма:

— Тикы е'эмня пыдар нгатенан. Мань теневадм.

Лилит санай', несэйвана нявоты'.

Вэнеконда пумна ванерабтась Талеко пирця харэ' хэувна нгани ян нэкалнгада. Лилит нулй', ливарпэй нгэвамда ила, инда нгудм ётадарев', ерванда няюв' санай'. Ервамда минханда тэвада. Харэ' нимня пыди' хаяха'.

Сян яля' тяхана нянгграбэй ид ибэй нгэсьнггана едэй салаба нгадимы. Тикахана, невхэрка салаба' тюнд ниня вэсако Налек нгамдэвы. Вэсако' хэвхана нгарка ханюй халя' нгонабтяр' юседавы.

— Ирингэ! Халякода танянгав'? — Талеко тэребтай'.

— Халякода нгокась. Теда' хэвнякумна хэняраха. Тюкохона нгули' ни еребёр'.

Талеко вэсако' няку' хая, халяком ня'ма, нерня' тидхалемба халякомда нирмба пяда.

— Няна' нгамнелада халяню'!

Нгахакү' хэхэя Талеко пирця харэ' ни' танай', саварка ям манэ'нга. Харэнггад сюрбхая пыда нянзьда салабам манэсала, пуна ванггцям сабкаба пя.

Манзъямда ёльцехэва Талеко серм теневанадарев' навагам хадамба лабцей'. Мальцясавэй, тар' пи'мясавэй, пивасавэй нюдяко пыдада нгахат тэ'морпэй варк нюкцярхась. Манзатбэ'мада, ся'ня пякуцян сярвы иньякомда нэкалпабта, пуня' нгэдарамбабта, тарцяраха нгэвамда тамна сававна хэтбасетыда.

Халяда мандал'нгэ ядарнгась, нгадьбянда мер' еребернгась. Сидям тарцита вадакода ханзели' нго' халяком таркабтасеты.

Талеко' сята илей'. Сидя пякуцяхананда минда иньякомда вэрдахая халям тюхулнга. Вадакода ябзон пакалмы' ха'авра'-махаданда Талеко халямда салаба' ни' мода. Халя минаць ха'-амхава нгопой яхана юседась.

Лилит халян санай'. Вэнеко халян тэвхана халя, халэ мунцянггад сертабэй пружинадрев', халцана пяда, тю'у' тибтамй'.

Лилит' париденя пыянда мал ныдамй'. Сеянда хэсь пыда маханда нимня макахалй', нись ёнггана' харасяда ян нявоты'. Хэвня нгамдхая пыда янамбовна нивы манэ'мы сюдбямда нгахат манэсала пяда. Пыянда мал тамна нывдорнгась.

Талеко нгаркавна письлы'. Пыда иньякомда вэрдахавна минханда сидя халяком тюхулнга. Нгопойм Лилит' няку' мода. Ирт' сюрхалць Лилит тамна сидя сян енгга пирувна тяхакү санабтай'.

— Сеяр хая? — навагам сидя ян мадамбась Талеко манзья ханада. — Теда' нгаворкар'.

Лилит хая' ютек няку' хая, тосась тюнарнгада, нись ну'-
морта хаямда нянзхал'махаданда няламнгада.

Ирий салаби' тяха' пакалтаныць, тасий панда харэхэт перер-
кась. Хая нёври сававна еребернгась. Нермя' си хэвхана нгока
ханюй хая юседась.

Лилит инда сер' хаян малей', теда', мында панда'маха-
данда, няк' пад ниня юседась, хаянгэ'на сапколтё сэвда нянг-
гартамбсеты. Ервханда пыда нинарахась ен': ниб'нанда хань'.

Ирийда пакаль. Нумгы' нгадибелыд'. Нёври тиделтаныць.
Я вар няна, хой'ядхана нумгыдарев' тукоця хаярыргась. „Тикы
школьной лампа“, — Талеко ихинанда ма. Харта пыдамда мэй-
рамба ма:

— Сава нири нга', Лилит. Тянёмбова пэби — тикы нгам-
гэхэрт ни нга'. Пуна школьной лампарин мимб' сава нгэнгу.

Талеко навагаха'на панта падм мяканда тэвраван саць
харвась.

„Тикахана Уакат маямды'. Пыда мал' няби мякэхэ' вадета-
да: Талеко нгокавна халы хадавы. Тохолкода нен хаям ханава
пир нгэнгу. Пыда нгобтарем хаяком мене“, — хаям хадаба
Талеко тарем ибедорнгась.

Нёври нумгы' нгаркавна хаералыд'. Харэ' мале ниць хаерю',
хойкотрев' париде нгадиць.

Пэвсюмбннгава Талеко парума. Халяхана панта падханда нгартн иням сѣра.

— Тадхава ти, Лилит. Мякани' пяхами', — Талеко маемба ма.

Пыда нимда ня'ма, марцянда тяха' сакадтада, ненэй хане-надрев', падамда нюхуледа. Пыда минханда нулй'.

— Тикы нгамгэ нгэнггу? Школьной лампа нгамгэ хабты? Сяхарт тарем мер' хабта' нисьтыду'.

Талеко нимда мо, салаба мандалт танай'. Нгэта нгылна Лилит тапъёрнгась.

— Нухурнгая, Лилит, си'ми нён хурамбю', — няркна я варан сылумба, хынумбюрць Талеко ма. Школа няна ту нись нгадю'.

Таний хэвхана хамадицьда тид' нгадибернгаць, екар' я варув, екар' харэ'эм, екар' пий тир' нгэб'тум.

Талеко няби пирцярка харэ' ни' сюрбы'. Нгобннгэв сылумба, индта мадарпарка пыда ханянгэ'на хо'лерцяты', ханянгэ'на вэнггабтасьты'. Пыда таросяда хась.

Талеко тукоцям пон' сэвха'нанда пюрнгадась. Пили' пуданана нгодь' нгадьда хабтюворта тукоцям сэвтесь. Тикы тукоця нгули' нгаха'на нгась. „Маси' тикы нумгы нгэдакы. Ни нга', нумгы тарем тасина ни нгэнггу'...“ Салаба ныклава ихинда то. Талеком нгарка пинабць ня'мада. Тёрева е'эмня пыда тэрида нянда сим няннгарта, тадхава тикырихина пенггнанда талада. Тёрена пилкабтысь.

Тукоцяхад сангомда нись хонггадамбю' пыда нгопой яхана нусь. Инда то'махад тёреяць:

— Лилит, салабами' ныклы!

Талеко харэ' тэлувна мирна хая, нгэта ни' сана'махаданда, сюрбы'. Пыда саць мер' сюрбись, харвабта тарем илеванда сер' сяхарт ниваки сюрбер'.

Пятна Лилит хаюрнгась. Талеко нюкця вэнекомда юрхалць нерняри сюрбись. Пили' пудана'на вэнекомда тенелкава пыда нгоб' сюрба ёнгамй', тамна тянёмбовна сюрбхава нулй'.

Санабтырць Лилит нго' то. Талеко мунзипой' вэнекомда нгудахата ня'мада, тадхава нгани' сюрбы'. Пыда нёхоларэй'. Лэркабт' Талеко нярхальда ит' теба. Салаба лекавы'. Лядхэда лакари' нгадимясь, париденя халыдарев', халцанась, латамданась,

саць нгаха' ентысь. Салаба лядхэй иленя халырахась. Нгацекым пинабць ня'мада. Халям хадабавы вэсаком тенелкава пыда сёнда нгардан тёрей':

— На-а-алек!

Нго'лери, ныхысяда тёрда тюку хибярысяда яхана нганисер' тэд'нгась. Пыда нгопорингэ хибяри' илебцие' яхат нга'на мэсь.

Талеко нгамгэм пэрць таравам ехэра париденя яха вархана мэнадарев' нусь. Вэнеконда ядимбада пням сяканда латрахава пыда хасабалы':

— Лилит, халяхат хунорпа' ни тара'! Вадакоми таняна нга. Нгаворципой' минханда ханггуни'.

Нись ибедорць пыда халута хаю'ма ян сюрбы'.

Навага'на панта падда някдарев' юседась. Талеко падамда манакава маямй', тадхава ниндя нгамды'. Лэркабт' пыда ханени' вадемы' салаби' латранггавам ихиндя ха'аврахава санай', ид ибэйхад нгахаку', харэ' понд хая.

Харэ'савэй салаби' помна минзь пыда падамда нюхулемба ирт' нерня' сыланггась, янда'амна ёнгганась. Яндаха'на салаби' нгонабтяраць, тамна лангг' хоркадюць. Тикан сырць пыда сэвда есьмяць.

Талеко нулй', нумд сылы'. Нумда я'либерта нумгыхы'на падтярмысь. Хусувэй нумгым харта янгга манэсарма пирась. Сюрхалё нганисер' нгэда тидась. Тикы тидхана харэ' ханянгэ'на сармикрахаць, ханянгэ'на сырасавэй мя'алхаць. Нуб' пильзись — ядаб' ихиня саваркась.

Талеко нгани' ядалцеты'. Пыда нись нулворць ядась. Ханя ядвамда Талеко харта ехэрадась, валакада ид ибэйхад нгахаку хэб'. Пили' пудана'на сангода лангг ся'алха, яралёда салабан мадарй'.

Падамда хаехэва, ниндя Лилитмда нгамтахава пыда янгганабцянзавэй' яралёда салабам сюрхалёда, мюнянда ниня нгарка хоркадём хо.

„Тюкон хадерць тара-нгу“, — Талеко ихинянда ма. Лэркабт' нгэта нгылна нга-

мгэхэва иленим хамада, ныдамай': тикы Лилит нгэвы.

— Мядм ходм, мерцямбата тюкохона сава нгэнгу. Лилит, падми' хоками', — Талеко ма.

Пингэ хая, нгацекы' хэвняна сейда нгули' няркнась.

Пыда салаба хоркадён сы'нгадай', салаби' ютек моёпа, латадамда янгганабцьнггананда сертамба пя. Хэвхы парумдэхэд ихинянда сыра стенкам сертаванзь мэсь. Нись пон' нга' пыда манзьяханда лабцей'.

Талеко янгганабцьнггананда сероць сырахад сехэко хыр-бись. Сыра кирпичя нёхонда нгонатамбидась. Манзьяда мер' мингась. Ниня нгарка сим хаехэва пыда хоркадён няладорць сы'нгадай'. Нгахакуд хамадавы нгарка сыра кирпичяхана харта пыдамда мюняд пакалнгада. Хоркадёхонанда сисьда пэвдянгэ хаясь.

Тюкохона пэвдя сейм нись харембю'. Янда'ана нгудам вэнггалава пирка'на салаба стенаць. Талеко ханюй халяком тюхулнга, нирмба пяда. Харта няк'паданда ни'нгамды', Лилитмда пулыта ни юсебталада. Ливарпэй нямда Талеко нгудахатата нгавламбидась. Се'насяда пэвдыхана Лилит нянгуху'на навага

марнавари сось. Нема нись харва': хуркари ингуд' немам ниць тамбю'. Инда нгу' сита я вар нямна, нгэсында нямна хана. „Вэсэй Налек хибярихи' мале хэтван хабяда: небяхан, тохолкодахан, Тенмау тидяхан, Тенмау тидяв — я вархана сюдбя хибяри. Пыда ямгана мэна хибяри нядамби. Синюв'махаданда маяк ниня нгэда нарырта сиренада саць нгахат со. Пэвдя пихина пыда явм ялумдамби: ту нганохо' сехэрым табадамби“, — Талеко ибедорнгась. Пыда тамна нгопой халяком тюхулнга, сидя ян маляда, пелямда Лилитханда мипванда сер ма:

— Мэсь, тад тикахад ним танггу'.

Талеко няркумбада небямда, иба мята, ядембада сям ихинда ха'авра. Ит харвабцо сось. Талеко сырам нгаворнгась, тикы ит харвабцомда нидась мадарпю'. Талеко харта итамда сертаванзь идей'. Сырахана пандавы нгобамда сялнганда на'марнгада. Нгобахад тянёмбовна тецьхамась.

Лэркабт' хахата мёрюлевы варк тёр то'олха хырна суль'. Талеко' индта мадарьй', сёхонда халя' ютек таркэй'. Сейнда хэсь пыда ибедолы': „Месурихива' ним мы'?“

Нись пон нга' хырна несэвна суль', Талеко нарырта сиренам тумда. Сыра стенам тахабтахавя пыда хоркадэход минханда мунггамй. Нгэта ни' санай', сэвда хорпададарев', нгобкад пере сэвда хаимламба пя. Маниена' нгавода тандъя' ховырахаць. Тяхана нгарка ту' ялэ нгодъри' манзабтысь. Сюриденя маяк' прожектор' пий тэвдян сумгадась, харэ'мана падтангго нумгы хабтамбись. Яля иня ханянгэ'на мер', ханянгэ'на нгодъ' минзеты, ханянгэ'на нумд' танасяты'. Пыда харп' тотрев' сянакодараха нгэсяты. Несэвна нарырта сирена му' суль'. „Ханзер' тарця? Тенмау тидяв пудани' ту нгано' хэ'мяхат ныланасяню'. Маяк нга'на хабтысь, сирена мусялмась. Сыра мальнганя маяк нго' ныланы'“. Прожектор' нгацекым ялумда, харэ'на яля иня' сянаколыд'.

Тикы тарця нгэвам манакава Талеко маямй'. Сангомда нись хонггадамбю' пыда яля инярин сырнгась, ихинянда машина хэвхана, маяк ниня Тенмау тидяда нунараха нгэсеты.

Нгобаси' нгудита тарка' ханибернгаць. Талеко тецьдам нись хамадамбю' пеида петинга, таралць тёрей':

— Лилит, Лилит! Тюкон тая'. Сидни' Тенмау пюрнга!
Тамна нгопой яхана танторць пыда вэнекомда нгудахата
ня'мада. Янгуу, пыда нгопори ни нга'. Таний яля иня малхана
хибяри' таняць, нямнанда ибедорта', сита пюрта'. Талеко пио-
нерской галстукамда ека, янганабцянда малан сярата, лаб-
камда илебцянда ни' падалнгада.

— Тямда' сыркар', Лилит. Таня сидни' нгахат маниея'.
Манзьяхад пэдабэй Талеко илебцьнганда сылы'. Илеб-
цянда мю' тюван нись харва', пыда нгули' пон Тенмау туко-
цям маниеван харвась.

Сэвта пэдахава Талеко хоркадэхонда сы'нгадай, нёмда
мюняд талхава, паданда ни' нгамды, Лилитмда лэмбараханда
латрада. „Тюку Лилит нгамгэм хамадамбида'? Ханхартан нго-
похорт мэва' подерпабэй ни нга'.“

Талеко хонельць, прожектор нямна, тёрырта сирена
нямна, явар нямна хэбэй' ингуд' немам вэхэртамбиць. Пили'
пуданаха'на сята ядембада вэн тар понд сы'нгадахава пыда
хонарай'.

Пи' Лилит падеталы', хывлы', нгудахат хунван харбелы'...
Талеко юркы':

— Пыдар нгамгэ тарцяп, Лилит?

Вэнеко мадарнгась.

— Нгамгэда', Лилит? — пинарка Талеко юнрась.— Пыдар
мандакэн, нгэдалёда миндакы?

Вэнеко нись мунзялвор'. Талеко хоркадэхонданда тарпы'.
Пий пэвдян сыланггась Талеко нгамгэхэва сюдбья нявотавам
хамата. Пыда сейнда хэсь Лилитнда пыям ня'ма. Прожектор'
яля хахаялтаныць. Тикахана Талеко нгули' сававна сэрако
варкм мана'нга. Нгацекы пынггарай'. Ту яля варкм тэва.
Салаби' ерв тэри ёнггадай', тёрей', ямб икамда пар'нга, ли-
варпэй лапахананда хойсалы', салаба ни' хубкада.

Сэрако варк нганисер' нгэда серт еремя. Тюку салаба,
тецьда, лата салмуи яхана ехерана, сэв лядпада враг нгадимя.
Варк санай', нгоб' нявотё тёрырта сирена мунд инзеле харэ
понд пакалй'.

Сэрако' варк' хибярихи' вадбой' тебннгавам Талеко тене-

вавадась. Нгопорингэ тюкохона, хибярихит хэвняна мэсь пыда сейда хая. Талеко вэнеконда пыям сатавна нгыбкабидась. Лилит сангохонанда варкм нгэдарамба нгарнась. Талеко лабка-савэй янгганабцямда тюхул'махаданда нгани' хоркадѣхонда пакалй'.

Лилит Талеконда пулы' ниня нгамдюдаханда янимя.

— Лилит, пыдар сеяр мэё. Варк ихинянда маман хабя, тюкохона ненэй ханена' илерахавы'. Пыдар варкм мадхананд харер,— вабцанда пелян Талеко ма.

Пыда тянѣмбовна мунзялмгава, ибедолы':

„Харвабта варкм салаба'амна Тенмау фонарькананда нѣ-данакѣда?“

Талеко сэвда хаямла'махаданда ванерабтай', вэнекомда пыдханда латрахава хонай'.

Пида нись со' ваера. Хоркадѣхона пинда тид тэмзась. Яля иня салаба тяха', сыра тяха' тюнггась. Талеко юрky'. Пыда нгобамда тюхулнгада, екада, ихинянда нгѣда ид то'олха, сава, нгамнялада идм нгэрнга. Нгамгари нгобта нго' нгули' итя тянѣсь. Тангок идм минханда самляннг, юд мэва' нгэрма пир. Ненэй' ханени' тотрев' Талеко нгобамда тырабта'ма-

хаданда, итя подава нгэсонд нгобамда сырахана нгани' пандабда пяда. Нгобахананда хаюда мырыймда нгамада, пуна халяком мэ'махаданда пин тарпы'.

Нумгы' сэйвы', ирийда тантаныць, ялянгэ хаясь. Салаба нгонабтяр', ханяна Талеко илеса, нув няри падлавысь'. Талеко я варм мана'ман харбелы'. Янда вар нись нгадю'. Таний хэвхана синю тасюлтась. Явм талхава, хою талхава хохорэй няскорха синю ламдовна я нимня пенысь.

Няби хэвхана яля ялумд' вэдандорнгась. Хаерта, тецьда' салабахат пиннадрев', янабоко'явна, хаци' нирка харва' вэдандорнгась. Лэркабт' турха хаер' яля тарпы', нув панм ялумда'. Яндаха'на малсяда' салабари' нгэвыць. Тикы сюдбя тецьда' яхана се'нахарт нись со'.

Талеко ванерабтахавя ибедолы': „Няна' саваню“.

Синёда нёври тасиняри ха'мотыць. Ти мале хой' мал' нгадимя'. Пыдо' нгадьбато' яхад ныкалмэрхаць, сюдбя тиртя нганотарев' нумна миндарахаць.

Синёда тахалтаныць.

„Харвабта хибяри' пумнан тованзь идебцуд'. Теда' невхы' закон' вунн' нга'. Тамальнгана хибярим маянггад тюхулма серта янггусь, нгадьбянда тадебцуи ханзеты'... Маленго' ид ибэй хибяхартм ни' нгэдаранггу'. Харвабта ид ибэй янггумдакы?“ — тарем Талеко ибедорнгась.

Пыда тамна тю'уку' тана'махаданда лабкамда нгани' падангада. Тюкоход тандъя' ханимбэй салаба' латтада нгадись. Талеко лэтра'ма халям хадаванзь идей'.

Нермя сикуюян хо'лер'кая пыда вадакомда паклесьтыда, тюхулцетыда. Тюку яхана халяда янггусь, Талеко саварка ям пюла пя.

Пыда нись парумбю' Лилитнда ня' ядась. Сырасавэй салаба ед' вэнеко' няхар' париденякорида нгадьсеты; сидя сэвта париденяку, няхарамдэй пыянда малась. Тюкохона салаби' пюнггана Лилит ненэвна вэрмура, ненэй сэрако ноходарев' хая. Талеко вэнекомда теда' нюртей мэва' варципой' маниедась.

Лэркабт' пыда нулй', инзеле пяда, савамда екахая' ха'нанда нгамгэхэва хамацицьда хырнам намда. „Няна' нга'на

салаба хэвыню', тёрырта сиренанд мунда нгодьри' со. Ни нга... Тюкор сирена ни нга'... нгобкад пере хырна". Индта мадарць, икамда вэнггалахая Талеко тикы нгамгэ нгэвам хама-дамба хасерй'. Пон инзелеванда сер' пыда сэвда неври ялу-бернгаць. Тарця хырнам тиртя нгано' нгэдарамби'.

Талеко маемба хахаяда харэ ни' сюрбы', я варм сэвте. Синёда ваеравы. Тиртя нганом манэ'ман харва Талеко мунгг-рёда' сэвха'нанда нумна пюдаресь. Лэркабт' пыда нув няна париденяком сэвте.

Талеко төрей':

— Самолёт, самолёт!.. Тюку самолёт! Мань теневадм!

Тиртя нгано му' хури нгаркавна хырнась. Париденяко нумгана нгарамданась. Талеко минханда салаба нгонабтяр мал ни танай'.

Пыда, лабкасавай янганабцямда ил'махаданда, лабкамда парпа пя. Нгацекы саваси' нусь. Маймбада' сэвда тэри ялкадарнгаць. Лилит ервханда сырць хывлы', тэвамда халцу'-ла пя.

„Тад си'им нибта манэс'?" — нгацекы сеянда хэсь ибедолы'. Тиртя нгано' вывконда му' нгули' сававна сось. Харта нгани' хырнасавай' Талекорин мингась. Ти пыда нгыльняри пядя,

сюрхалй', нгули' тасимна тирць нгацекеы нимня хая. Тиртя нгано нгоб' сюрхалкава тода тэри хамби'ла пяйда.

— Тиртя нгано, тая илея!— Талеко тёрей'.

Тики'яда нгоб нгаха' нгэрм няри хая.

„Нгамда ядамда пюрман хабя..“— Талеко ихинянда ма, тадхава пумнанда сюрбванзь мэяць нга, тиртя нганор мале пуня' сюрхаледа. Нгацекеы нимня тирманда сер', лётчик нгоб-кад пере сидя нгэсям мо, тадхава нгани' я вар ня' пяда.

Нгэвамда нгосъялтахая' Талеко тиртя нганом неры париденякодрев' нув няна сэйванда нгэсонд сэвха'нанда нгэдрамбидась.

Мале тидельяць. Нёври нито' пумна нумгы' нгадибелыд'. Ирийда тасиняри пакалтаныць. Талеко нгэся' няюв сюрбы'.

Пыда нгопой нгэсям хоркадёхонда нюхуледа. Пэвсюмбанда нгэсонд няби нгэсям нго' нюхуле.

Нись пон' нга' пыда хоркадёхонда пакалы', нгэся ни' нгамды', пэдабцомда хамадахава савамда ека, нёхомда тэ' нга'. Нгэвада потолокхад переркась. Тянёмбовна ныла'махаданда нгацекеы маймба ма:

— Ти, тедахава манэ'мамбир. Лилит, ханяна мэнда'?

Талеко харанда сем хорнга. Харда янггувы: „Ай, яйяй, харув ё'ом!“ Пюрць мале вэва. Нгэсямда нгудаха'нанда хорпюрць екамба пяда. Пэвдяхана пыда ня'амсорнгась.

— Охо, Лилит! Ти тюкохона свечка' сонараха'. Да, да тюку свечка! Сера танеди!— маямзь пыда тёрей'.

Хоркадёда ябирена стеариновой свечка тухуна ялума. Талеко письлы':

— Сыркар', сыркар', Лилит! Тюкохона ты хоба нгадъ-дарханю'. Тямда' хонё мэта тар' хуця! Нухурнгая, нухурнгая, тюкохона тамна нгамгэхэва танедарха!

Талеко хуцяхад примусм тюхумнга, трустангго'ма' понггад керосин нгэсям, сяйникм тюхулнга.

— Хай, няна' сава лётчик нгэвыню'! Та, пыдар тенева-нув', Лилит, маниди валакада сяйм нгэрпннгуни'... Тюку нгамгэ е'эмня? Пионерской галстукраха няръяна тохо'.

Талеко хоба ни нгамд'махаданда, парумба няби нгэсям

екамба пя. Пыда тад манзъямда пяхава салаби' понггана нго-
пори нгэвахартамда юра.

Тюку нгэсяннгана нгавар тэнз' нгэвыць. Нгэсямда ла'амдэ
я'мась хулцупаванда сер', Талеко лэркабт' тёрей':

— Юн падар'! Юн падар'! Юн падар'! Лилит!

Юн падар' сем нгадарта'махаданда пыда няркнась нгар-
кавна толангго пяда:

„Талеко!

Героян нга'! Ярць нёр пя'! Мань сит ходм, хуния
мерарка' тутадм. Хад нгэб'нанда нгатена таранггу. Нён
пин', мань сит сян'мана нгод' тюхултадм.

Пыдар хэвхананд нгэда салмуй ям пюркар'. Сала-
банда лэтадм хоркар'. Сидя ю' сантиметр нгэб'нанда
лабакм нгыдаин. Мань нянд няръяна тохос пусм ма-
сибтеманзь. Сидя ю' сантиметр ниб'нанда нга' лабакм
нёир нгыда'. Тиртя нгано салабан хоркаданггу. Сер'
хурка нгэвам хамадар? Тадхава валакада.

Няр лётчик *Томилин*“.

— Няв,— Талеко венерабтась ма.— Хуркараха сава лёт-
чик нгэвыню'! Томилин — лётчик. Пыда няна' школьной празд-
никан турнгась. Тикы пыда си'им марцювнан петимба мась:
„Са'ан, Талеко, пыдар сэрако варк танецм сававна сертар“.
„Да, мань сэрако варк танецм сававна мана'лабтавась“, — пыда
ихинянда ма.

Талеко Лилитмда някунда нэкал'махаданда, нгани' юн
падарм нгаркавна толамба пя. Лилит нго' ливарпэй пыямда ила.

Пыда Лилит' нгавотикы ихинянда хамадабвам теневадась.
Юн падар' нюртехэданда маланда нгэсонд сян мэва толавьсь.
Талеко толангговам мэнедась. Пили' пуданаха'на пыда юн па-
дарта маканда сы'нгадада.

— Пэвсюмбданггудани', — нгацекеы ма, тадхава консерва
банкам мэ.

Ихинда харамда несэвна ха'аврахава, инда вомзь нгарка'-
явна индта нэкалнга. Банкам салаба ютекхана тахабтавамбир.

Талеко сато'явна банқанда нгыладм лада. Салаба ютек тахара. Лилит тикы пон' ирт'ли' Талекон сырнгась.

— Лилит, няна' нгамгэраха са'ланню'. Нгамгэ си'ми нин табадамбю'? Банкахавам янгганабцьнггана нэб' саваню'.

Пыда янгганабцьямда тюхулнга, савак еся мал'ямда мана-сала пя, тадхава нгэвамда пархалнга:

— Ни тара', Лилит. Тарем янгганабцьям тынвамбир. Ху-няна лётчик няни' е'эмня салабам сипа тарнгу. Хамадамбир?

Тюку пи' Талеко, Лилит сато'явна иба хуцянди мюня хоныхысь. Тёрырта сирена' нга'на нгэда хырна хацц' соркась. Салаба нгэрм няюв' хайнась, илебций' яхат пили' нгаха' мингась.

Талеко' лэркабт' немада хая. Нгэта ни санахава хорка-дэходанда тарпы'. Нумгана нумгы' я'лабарнгаць, салаба ниня пэвдя пи нусь.

— Тедари тамна. Ханзели' нгэбта нго' хонёд' нини'. Ялу-мамда нгатенгуни',—Талеко манзь ханада.

Ханзер' тидел'махаданда, пыда янгганабцьямда кумачамда мэхэва ненэй ханена тотрев' харэ' понд лётчик ваде'мы сал-муй салаба якоцьям пюрманзь хая.

Тикы якоця нга'на нивысь нга'. Талеко харэ' ни тана'-махаданда тикы ям нгардаханда мана'нгада. Неранда няна ямб'я, хайпа нгурдавы, салмуй я нгадись.

„Тида', хурка ям лётчик ховыню'! Тю'уд пыда тиртядарев' хусувэй нгамгэм мание“.

Янгганабцьнггананда салабам харпаба Талеко тикы явна ядалй'. Салаба хибярим сававна пирда'лебидась.

Сатавна пыда сянхава мэва' янгганабцьямда мацятьтеда, сикоцявна и' мунггамай'.

Талеко едэй салаба ютекм лабарта'махаданда сикоцяхад хэвняку' ханада. Салаба лохом манасарць пыда ибедолы':

„Тюкохона сян сантиметр нгэнгобт, Лилит, ханзер' хоб' сава нгэбта? Пыдар сер' хурка нгэвам теневарув'? Тю-кохонади тохолкода вуни тая'. Ошибками' хибя тидхале-ннгуда?“

„Метра...— юр' сантиметр...“, пыда ихинда ха'аврада.

Савада икханда ха'морнгась, пяда сяркарнгась, нгацкы ибедортаханда нёхо'ларэяць.

„Мер' тасламба тара, Талеко. Ялумдана“,—пыда харта пыдамда парумлабись.

Талеко лэркабт' тохолкоданда вади тенелнга: „Тита' спичка'. Спичканда хунад — тет сантиметра“.

Талеко илезянгганда сюрбы', коробкам мэ, нись нулнга' пуня сюрхалй'.

„Харув тямда'! Тюкохона тиртя нганоход нгэся' манамъ-ядаць“.

Талеко хархана варе'мы салабакон янгганабцям лабцибте, янгганабцянда нирт юдта'ми серта. Саварка нгэванзь пыда салаба ни' нгамды', янгганабцямда пулыта ни' масибтеда, тад-хава спичкыда лабцьпа пя:

„Ти мале тет... тамна тет. Сиднетнгэ хая. Тамна тет... сидя янггня. Тамна тетм нядась... мат' янггня. Сававна толабасинув'? Тет мэва' тет. Тет мэсь тет — мат' янггня. Тарем нга...“ — инда савумзь Талеко индта нэкалнга.

Самлянзимдей спичка' нгэсонд юдта'ма тянёривна нись тэвор'. Нгули' тянёри — спичка пелехарт ни нгэнггу'.

Нгокханда сян сантиметра нгэнггобт'?

Талеко ибедолы', индта санггавоць нэкалкава вахалй': — Маленго' хасую' янггня нгэван хабя.

Пыда салабанда лэтадм несэвна ёльцерпа пяда. Сянд' нисяда ёльцерпю', хундада нгопой тикырьсь. Нгопой мэва' хасую' янггняхартад тярнёркавна ха'мыць.

Талеко юркы', янгганабцямда салабан падал'махаданда инда сер' вахалй':

— Эх, Лилит, няна' тянёвна ниню' тэвор'!

Лилит ёнггамгарт' ниць. Пыда тамна саварка серм пэр-нгась: лапахананда хамда хадепись.

Ялума.

Талеко лабкасавай янгганабцян сылы'. Тюку яля' ни та-ранггу'. Лабакм нгыдаба вэва. Пыда лабкамда нгудахата мэ'-махаданда пар'нгада. Тецьда хэ'нёсь. Малсяда' салаба' янда'на хаерыць. Тецьдахана инд' тохона нгэда варцавай салабадрев'

нгадьсеты. Тяхана, нгули' нга'на я вар нгадись. Яда тая' вунин тэвнгу'! Нгахакавана нгэись — тикы нгамгэхэрт ни' нга', сехэрэхэна сян'мана нгод' нянгграда ит тебнгуун — тадхава мэсь: тяха'нин ханд'.

Талеко нгудаха'нанда лабкамда ня'амба нгули' пон' нусь. Пыда сангода нув нямна, мусьда' харэ'эмна хэвы, тадхада невхыта нимня тябехута пьда. Пыда пили' мэнена' нгамгэ'-эмнанда тябехутась. Нгацекеым салаба' яхад пили' хунтабидонзь. Теда' инда нгу' пыда я нямна ядарнгась.

Талеком инда нгу' нгэсында нямна, школанда нямна, нита нямна хана. Пыда таяна мэван нгули' саць харбелыць.

Нгоб'нгэ ня'мы небямда пыда ихинда ха'авра. Сеня', пэвсюмб', небаханда школьной юни нись вадес'. Небыда едэй юнм намдван саць харвасеты. Талеко' небында вада' ихинда ха'мыд'. Небыда ханзер' тяхана салаба'на Талеконда нисья ха'мам вадеца. Нисьяда нгули' сава, мэбета ханена нгэвысь. Та мальнггана Талеко нгули' нюдари нгэвысь. Пыда хусей нисья-хартамда ни' тая'. „Ти, хаднго' нгамгэ мань нгод' еремдадм. Небьяв маленго' ярман хабя“, — тарем Талеко ибедолы', тадхава сёсянда паньсь.

Тад лэркабт' пыда нув ед' париденяком мана'нга. Париденякор тю'уняна нгули' тиртярахась. Талеко ирт'ли тю'у сылы', тадхава тябибцоходанда хурэй'. Нгани' тиртя нгано нимнян тобта сава нгэсь. Нгамгэ'я тюку нгэбт? Тайда', тамна няби париденяко нюртей хэван нгадимя. Тюку' маленго' тиртя нгэдараха'. Нгамгэ е'эмня тиртя' сыра мальнггана тюкона тирнга'?

Сейнда хэня ноходарев', Талеко харэ ни'танахая сэвта есьмя нгэсонд париденякохо няюв' сырнгась.

„Ни нга', тюкуд тиртя' ни' нга'... Тюкохоюд маленго' тиртя нгонохо' нгэдараха'... Сидяха'. Нгамгэ е'эмня сидя нгэбт?“

Нись пон' нга' нга'на хырна' сульяд'. Тиртя нганохо' нгули' мер' хахаялтаныхьсь. Пыди' хырнасавэй нити пумна Талекон' тэвотыхынзь.

Талеко салмуй якоцяи сюрбы'. Тадхава пыда нгамгэхэва

е'эмня нулй'; пуна' сюрхалй'. Талеконд сейда хая: тиртя нганохоюд нгамднгуху'. Танянади сидя ю' сантиметр янгуусню'.

Самолётха' нгылня пя'махаданди', пыда сейда ханзоць ла'нарнгась. Пыди' нгули' ламдо'явна нимнянда хаяха'. Талеко лабкамда маханда ня' такал'махаданда я вар няюв' нгудахананда хойса пяда.

Нябимдей сюрхал'махаданди' тиртя нганохо' тю'у илна пяди'. Талеко маямй', нгани' я вар няюв' хойса пяда, инда савумзь вахалй':

— Си'ми хамаданггха'! Я вар няюв' пярй'!

Нерний тиртя нгано тода хамба'ла пя, тадхава пуй нгу'умнанда пяда. Няби тиртя нгано нгани' сюрхал'махаданда нгули' ламдо'явна нгацекы нгэва нимня хаясь. Лётчик кабинахаданда нгэвамда тарпра посьпеясь, тадхава нгудамда хоямлась.

Талеко' тикахад сята илей'. Пыда лётчикм тумдада. Тикы Тымнет нгэвысь — чукча, русской лётчик Томилин тохолабвы. Теда' Тымнет салаби' понггана юнета разведчикась.

Тымнет нгацекы нимня самляннг мэва' сюрхалй'. Пудана мэва' сюрхал'махаданда салаба ни' нгамгэхэвам мось, тадхава тода хамба'ле'махаданда, ирт'ли' тю'у минзь я вар няюв' пяда.

— Лакамбой прости, прости нгэя, Тымнет! — Талеко нумд тёрей'. Пыда няръяна тохо'кана махайсяван харвась, тэрида мадарй: лётчикм ниб' са'лямде'.

Талеко нгули' пон' тиртя нганохо сангохонанда нгэдарамбидась. Нерний мале нга'на мэсь.

— Лилит ханяна мэда'? — нгацекы няркналий', тадхава нгарка'явна вэнекомда хала пя.

Харэ' тяхат ливарпэй вэн пыя нгадимя. Пыда мандалюйковна мантырць хэ'мяхаданда Талекон тэвы'.

Салаба мякнанди нгани' хэбя ялясь. Мовы посылкахана палаткась, тунись, патронаць, книжкась, консерва нэмба мэта харась, тикы' нид' нгацекы ванерабтэяць:

— О, Лилит! Сыркар', хуркараха Тымнет! Пыда нянани нгамгэ таравам сававна теневада.

Посылкахана тамна едэй' тобак' нгэвыць, сидя пара

либтадта, тар' пи'мяда, тадхава нгули' едэвна сэдвы' нгобаць. Тикы хавна сидя нгарка нгамза ютекась; тивтей нгамзась няби няк нгамзась.

— Нгани' юн падар'!

Смянхат Талеко юн падарт маямъяць. Пыда нянанда, пыда саць пон' хибяри' ня' нинарахась лаханаку'. Юн падар' хибярирха. Лилит харта ни лахан'нга, валакада инзеле. Пыда юн падар' сем нэ'махаданда янабоко'явна падарм тюхулнга.

„Талеко! Мань нгобтарем сит нядаванзь тодм. Сит ханзели' нгод' тюхултава'. Нгамгэхэрт ни нгэнггу', нён пин'. Хадумбата нгод' нён пин'. Пыдар теда' хусувэй нгамгэр тая.

Тымнет“.

— Ти, Лилит! Сыр', мань ненэй? Ярць нёр пя',—приму-самда пандаба Талеко ма. Примус мунзавэй табцы'. Синей' туку'цяхата сырп' нгули'ян савась.

— Трусти'ми хэвняку мэсь тара', нись тарем табциггуд'. Тей яля' керосин нгэсям юйпа лётчик Томилин танггок трусти'-мям масибтесь.

Талеко трусти'ми ма'ламба пысаванда сер' нянда сим нянггарта. Трусти'мяха'на, нгули' тохолкоданда метр то'олха, клеёнчатой метр юседавы. Метрамда ня'аммахаданда, метрам маликахаданда янгганабцян юдак нгэсонд лабцьпа пяда.

— Тюку нгамгэ нгэнггу?..

Талеко сэвда пуй'махаданда несэвна манэсалада. Салаба лэтад сидя ю' нгопой сантиметрась... Тиртя нгано нгамда пир'мы'ню'.

Примус лэйнась. Сырахана сабнь'бэй сяйник лохокохона нгамдысь. Талеко сабкалтё нгудаха'нанда метрам ня'амбись. Салаба хоркадэ хэувна хэня мерця' ханзер' харэ'эмна вывна хэвада сось.

Пи' хадумысь. Салаби' хоркадэ'омна хэня мерця тёрырта сиренадрев' вывнась. Салаби' понгга'на пильзись. Тарця нгум-гана сармикхарт' лынзернга'.

Хад марна салаба хардакохона нгодьри' сось.

— Мани' пондан нини тарпингу', Лилит,— яна вабцувна Талеко вахалй'.— Хардакоми' ё'мамбир. Хаданда ваерава нгэсонд нгамдюдани'.

Пыда индта ёрјавна нэкал'махаданда ибедолы': „Тюку мерцярдн салмуј јакоцхартм вомда пирта“.

Хардакохонанда нисъ тецу'. Харданда хэв' мёць. Мерцянидасъ сипу'. Пудани' яля'на Талеко хардакомда тамна нграмдадасъ. Салаба нгонабтяр'я нгули' нгарка'ясь, мюнда нгокангарка мядм мярвамбирасъ.

Харданда мюня ибасъ. Тет мэва' тамдалпэй палатка полнгэтарасъ. Нинянда ты' хоба юседасъ, ты' хоба ниня хуцясь. Стеариной свечка нгарка'јавна лэйнась. Примус сыйнась, сјяник синда мале таралъяць. Нё' хэвхы лохокохона ненэй мякана нгэдадарев' сабвы туни е'нгалысь. Тикахана тамна навагасавэй нгэся ниня халям хадаба мэта вадако юседасъ.

Талеко тар' пимянда ека'махаданда едэй нгамгарихи' ембы'ы'. Сяймаха' мале'махаданда пыда хуцяханда пакалй'.

Нема нисъ харва'. Свечкам нэкал'махаданда чукотской вадавна нгэда книгам мэ „Ильич' нгаць нгэ'ма“.

Талеко картинка мал мана'јада. Ти' нгацекеы Володя Ульянов. Талеко Ульянов' сјадм, пальтонда пясик мана'махаданда нгани падтавы хибјари манасала пја. Ембјардо' мал нганисер нгаць. Тюкохона, Чукоткахана, пыда тарця ембјар луца'на нисъ манапю'.

Талеко толангго пядасъ нга, Лилит'я нгэся мюня падеталы'. Хабцюмбаван хабя. Лилит пыямда тарпра.

— Лилит! Тымнет нями' сававна сертавэда: книгадами' та. Пыдар ня' нибцум лаханор' нга. Книга ня' пон' лаханормабир.

Талеко письлы', Вэнекомда пыяхаданда нгыбкарпа'махаданда нгэся мю' на'марнгада.

— Толангговаяхадан си'ми нён хурамбю'.

Талеко пон' толанггусъ. Хад тэри марнась. Нгацекеы книгасавэй' хонараяць. Свечка сусаванда сер' харта хабтёвысь.

Мерця вывнась, салаба тэтнась. Хад нёври сахаворнгасъ.

Талеко' индта тянёмасер' немада хая. Пыда нгэвамда хуцяхад тарпрахава, пэвдяхана сэвта сырць хад марнан инзеле

пята. „Сава сер' мерця парумдэй хундан посна, нись тарем то-
ходаманзь, тарпхарта я'амнгуваць“, — нгацекы ихинянда мась.

Нема мале нись харва'. Хувы нгэвам, нивы нгэвам Талеко
ехэрадась. Пин вэдандорць таранггу, манэць тара. Харвабта
нумгы' нгадьдакы'. Тарця сававна сертавы нём мальерпа вэва-
рахась. Ла'амдё Талеко нгули' я'мась, юрк'махаданда свечкам
тумдась, тадхава харсавэй' нё няку' хаясь. Нёхона пыда сико-
цям серта'махаданда сикоцявна сылы'. Пэвдяхана пыда ханзер'
стена хундан хад хан'мам хамадась. Сян савак сыра сэв сэв-
ханда тебась.

Талеко сырахана сикоцям саркабта'махаданда ибедолы'.
Ибедорп'—вэварка.

Пыда примусамда панда'махаданда сяйникамда масибте,
тадхава ханюй нгамзам нгаябадба пя, Лилитм нго' нгавла.
Нгамза маледо' нгась. Няданда ибако турнга. Няд'маданда пыда
сидя халям тамна нгама. Теда сяйм нгэрпаб' сава. Епдя сяйхад
пыдда юсь.

Тикы хувываваараха нись нга', ялеймаваараха нись нга',
пэвсюмбаваараха нись нга'. Тарця пэвдя хадхана хибя хама-
данггуда.

Салаба ютек ниня нгамдюда свечкам манекава Талеко
свечка нгамдюсям ихинда ха'авра. Тикы свечка нгамдюсям
пыда тохолкоданда хардахана манэ'нгадась; нгули' пирцясь,
паскоясь. Талеко тарцям салабахад сертаванзь идей'. Пыда
тивтей тибяхад хусувэй сармикм сертамба мелаць.

Салаба ютекм лабарта'махаданда нгули' тёмбя'явна манзая-
ханда лабцей'. Тянюмбовна мирбясяда салаба ютекхад мивы
свечка нгамдюся' нгадибелы'. Тикамда вэнггалавы нгудахананда
Талеко манэсарцьтыда, сертарка тарани нгавода хамадасеты,
тадхава нгани' харанда малхана есьпа пясьтыда. Тикы сангго-
вота манзаясь, тикында тяхамна Талеко нгобта манзарась.
Пили' пудана'на свечка нгамдюся' хамадысь. Талеко нгани
свечкам мэ'махаданда тадхава нгамдёсянд' тебдемба пята. Сер-
тава'яда сидя ян лекэяць.

— Нири сава нга', — Талеко ма. — Нганим саваркавна сер-
танггудм, — пыда несэвна манзаяханда лабцей'.

Пон' манзарась, нгамгэ пирка'на консерва'на панпэй лабтэй ниня паской свечка нгамдюся' падлысь. Свечкахарт мюнянда яляркавна лэйнась.

— Ти, Лилит,— инда савумзь Талеко вахалй'.— Сыр', тюковна нён нялотор', тахабтанггур.

Нгули' тёмбя'явна нгацеке хуцяханда пакалй', книгамда мэ. Свечка сававна лэйнась. Тюку мэва' пыда книгамда ёль-цедась, тадхава несэвна толамба пяда. Сэвда пэдэйдаць, книгамда нгэванда нгыл' на'марнгада.

„Няна' нганисер' нганю'... Ленин нгобтарем нгацеке нгэ-высь“,— Талеко ихинянда ма. Тикы тохолкодава' Нгарка Ленинм ваде'манда мальнггана, нганисер' нгэдарохась.

Талеко нгани' школамда ихинда ха'авра, ханяна хусувэй яля' танца', янггэбций', сянако' нгэсеты'.

Тикы ихинанда пыда хонарэяць. Нись пон' нга' сита нгани' вэнеко сидесь. Лилит пыясавэй' сялигганда сы'нгаторнгась. Талеко свечканда нгамдюцям пюрць спичкам вурхала. Лабтэй хэвхана валакада нюдякоця' салаба' пудяко' юседаць.

— Тикахад тарця паскойм ним сертанггу'. Валакада мэ-ёркам сертанггудм.

Талеко хад марнан инзеленггась. Хад пихий' нгобебцо-древ' нгасьнась. Талеко савамда ека, няркума. Лэркабт' тарця нгасьнабцьнггана салаба марна сулй'. Талеко салаба ни юсеп-тай'. Индта мадар'махаданда хамда салаба ни ярала, тадхава инзеле пяда. Ясьда ям' тэри нгасьнась.

Талеко нгэта ни' санай', парумба тарани' нгаврада ма'ламба пя, тадхава хуцянда мю' пэбтэйда. Салаба мэё нгэбта нго', харвабта тюкоход хунась таралцу'. Теда' мале хуця мюня хонёб' вэва. Инда няркнась пыда хуцянда ни' нгамды'. Книгамда толабаван нись харва'. Лилитханда лаханаван нгобтарем нись харва'. Пыда нгамдювандасер' па'мявна хад марнан инзелесь. Ибака, варцяда мята, Уакат небямда ихинда ха'авра. Талеко тенева, пыда нгобтарем ни' хоню', нямнанда ибедорнга, харвабта яртакы. Талеко небямда маемлаванзь небянда халяха' таванзь мэсь.

„Илевав, нгамгарин таневам, ханимзь, нгаворци' нивы хавав лётчик' нянда тэвраван хабядо“.

И нгуд' ма'ланыдаць, нема нго' харта серода пэргась. Нгацекеы хонельць, хуця ни' е'нгаланггась, тикари яхана пыда санасеты', немада вэхэрасьты. Высала'махаданда пыда нгани' неры яханда нгамдсеты'. Тарем немамда вэхэрамба пыдханда хуця мюня хонё ватом нись мипю'.

* * *

Хад няхар' яля марнась. Ваера'махаданда Талеко харта салаба хардакоходанда тарпыць. Янда'на мал невхэнда то'олхась. Валакада хэвнякуна нгале'я салаба хой нгадемысь.

Талеко хардаконда ни' лабакм падал'махаданда салмуи салабан сюрбы'. Ханзер' ибедорца нгани', пыда мале ямдавыць.

„Ханя' теда' тиртя нгано нгамданггу?“ — нерцирць Талеко ибедолы', тадхава лэркабт' нянда минди тирти нгано сэвте. Пыди' нгули' мер' няръяна лабкан хахаялтанахысь. Нгопойом ламдовна мингась, няби нгани' нянда нимня тю'умна мингась. Тиртя нганохо' лабак нимня сюрхалъяха', тадхава тоти яха' пяди. Нись пон' нга' нгани' нгобт тэвъяха', хэвнямна сюрхалъяха'. Пыди' нгули' таси' ха'амъяха', тохо'нанди' харэнго' малха' теба пир'нгаханзь.

Талеко нянди' сюрбы'. Лэркабт' няби тиртя нгано сярна-савэй' нгацекеы нимня хая, тадхава нгамгэхэвам мо. Пыди' нгани' тоди хамба'ле'махаданда' я вар няюв хаяха'. Нись пон' нга' хырнади' тэмза. Тад тарем хэ'нёмя нгани', ярума пирась. Талеко парумба юн падар'сем нгадарта, тадхава толамба пяда.

„Талеко!

Ид ибей теда' нгани яхана нга. Мани' сюраде'мани яханани'. Ид ибэй валакада хусувэй яхана нивы ханив'. Мань нгохолёда някм манэ'нгаманзь. Теда' тецьда' ха'мыд'. Нись пон' нга' салаба савумда. Тамна тутани'. Сензан нга'. Исавэн нга'. Лабак хэван сивам моманзь. Парумдэй' танеб' салмраид.

Лётчик *Томили*“.

Талеко пуны' то'махаданда ибедолы', тикы' нгамгэ' парум-дэй' нгэбт'. Тиртя нганохона вэвако' я' нгэдакы'.

Пыда тунимда мэ'махаданда ид ибэйм мана'манзь хая. Лётчик таяна някм манэ'мысь.

Ид ибэй' варуда ланггаць. Еркнанда Талеко някм сэвте. Пыда мертёвна тунимда ха'авра. Тунида пенды'. Пендда муно-тадрев' салаба' я'амна тэдаць хая. Няк лапда ил'махаданда ямд пакалй'. Нись пон' нга' тарпы', ид сяркана юседа хаи.

— Някм хададм! — Талеко төрей', тадхава нгобахананда пайдэмда пуя.

Няк тэвва серта янггусь.

„Сава нири нга'. Итя ханив'-махад тэвва пир нгэнггу“.

Лэркабт' пыда няркума: харвабта няк салабахана лётчик' нгамдюся яхана ханимзу.

Тикы тадхава лётчикхана вэва нгэбцу. Талеко тикы пуна няк' нгадиберпато' нгод' нись енер'.

* * *

Сян яля пирка'на ид ибэй мэе салабахана синдэяць. Талеко салабам ельцедась — сидя ю' няхар' сантиметрась. Пыда лабкамда салабахана ханимбэй няк хэван падалнгадась.

Някамда ханзер' хае таравам Талеко пон тасламбидась. Маторп' — си нгадимда. Хаеб' — тад лэркабт' нянда тиртя нгано нимнянда хэвандасер' табты'. Талеко хэвханда лабакм падалманзь идеяць, сян'мана нгод' тиртя нгано лабак нимня ни ханд'.

Тикари яляхана хибяхарт нись ту'. Пинда нгэсонд Талеко ид ибэй хэвханы нгатенась. Хувыхыд пыда нгамгэхэртм нись нгавор', идарман нись харва'.

Хардакохонда пыда тидхана тэвыць.

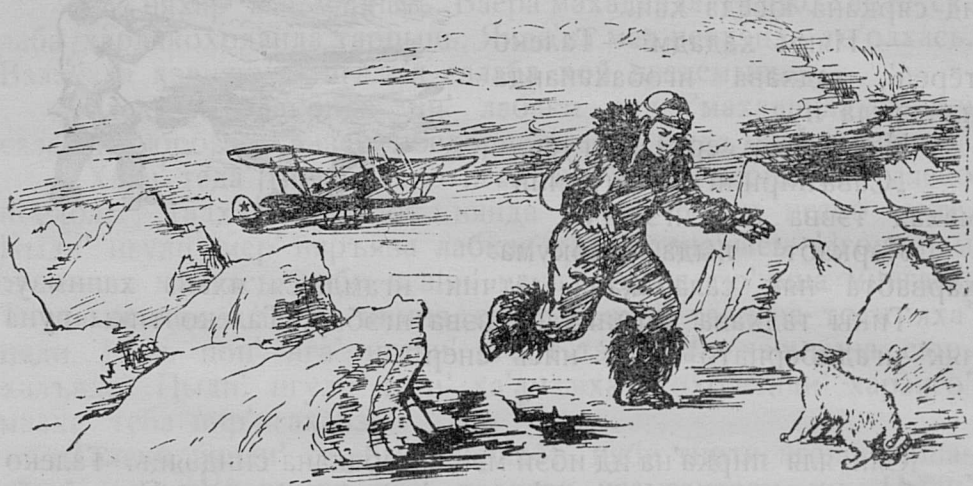
„Пыдо' ихиняндэ' салабам тамна нясьдангэ толобаван хабядо“ — Талеко ядвандасер' ихинянда тасалкусь.

Талеко салаба хардакохонанда тябехульязь. Пыда тамна тянембовна нусь, ялуворта' нгумгыхы', ясьда салабаха' сыльць, тадхава нгопой мэва' тунимда нув няюв' нгэдась.

— Хэхэни', Лилит, сяйндани'.

„Тад пи' лэркабт' мерцямбата, лабак пу'лабата?“

Пыда примусамда лабхалць нгэта ни' санай', сянлгганда Лилитм ня'ма, тадхава ныхында валакан ид ибэян сюрбы'. Талеко нись нулгга' сюрбись. Тикы я пойм минханда хаеда,

мертёвна лабкамда ека, тадхава пий тидхана пуй ямда ёць пинась пуны' тамна сато'явна сюрбы'. Сейда ханзець ла'нар-нгась, пыда нгани' хардакохонда сы'нгарьяць. Талеко пэдась хуцянда ни' е'нгалэй', минханда хонарэязь.

Сита тиртя нгано' вывко' хырна' сидець. Нюртей' нянанда хырна юдава тахамана сось. Пуна нгани' ненася нгэхэва пыда хуцяхаданда тарпы'. Майманда сер' Талеко төревы'. Пыда сыраhad сертавы стенамда хавдадась, лабкамда ня'аммахаданда савасипой ид ибэян сюрбыць.

Тиртя нганохо' нгарка круган хаяханзь. Няркумзь пыда лабкамда сьра, хэвханда нулй'. Тиртя нганохо няюв' сырманда-

сер' таросяда илеяць. Тид'мана майманда сер' нгудахартамда нись хоямла'. Нгэвада седянгомась.

„Ти пыда минга. Тиртя нганонгэ, нянд нгарка'я спасибо!“

Тиртя нганонд ламбида салмуй салабан тебаць, тадхава санабтэйдаць. Сюдьбя еся тиртя'я хэвувнанда мялкадась. Пумнанда Талеко нгэда ёпа сюрбись.

Тиртя нгано'я тэри ледресь, моторта нгобкад пере манзарась. Талеко минханда тиртя нгано ламба ни танаяць.

Бортмеханик нгацекым мальцянда икхад ня'мадась, тадхава кабинан нэкалнгадась. Тиртя нгано тикы минханда панта газм ми'нгась. Тиртя нгано салаба нимня пена'махад Талеко нюртей мэва' ярумась. Хайлада яхакодрев' замдумаць. Бортмеханик нинда хо'лер'махаданда тёреяць:

— Нгамгэ пыдар ярнган?

Талеко лахана я'мась. Хайлада сита хабтюмдебиць. Пили' пуданаха'на нгодьри' вахальяць:

— Вэнеков таняна... хаи.

Бортмеханик сян вадам падарт пада, тикамда лётчикан ми'нгада. Падарм толахава Томилин вадебялы':

— Хадрю' нгод' нин серос'!

Тиртя нгано лакри' таси'ха'мы', несэйвна нгамдармахан-да хая.

Вэн нюкоця ервамда пюрць салабавна нявотарнгатсь.

Хырнам намдхава пыда хэвня' санай', тадхава харэ' понгга'на хадитолы'.

Тиртя нгано нгамды'. Бортмеханик салабан сана'махаданда тёреяць:

— Ханяна мэда'?

Талеко кабинахад вэдандолыць, няркна янда'амна сырнгатсь, тадхава нгудахана табико, лэркабт' маямзь тёреяць:

— Тайда', тайда' пыда! Сэвда, пыяда тайта'. Лилит, Лилит! — тамна нгаркамбовна нгацекы тёреяць.

Лилит сана'махаданда бортмеханик' нердан нявотыць.
Механик вэнеком ня'аммахаданда тиртя нганон юрба са-
ल्याць.

Талеко сермня хэнядарев' ванерабтэяць, тадхава Лилитмда
пулыта ни' мэдась.

Ханзер' тиртя нгано ти'махад неры салаба ильць, лядысь,
ясьда салаба марнасавай' хайхалъяць, янгганабцям хавдась.

Лабак манамъяць. Салаба' латраныдаць.

ЦЬ.
са-
да
сь,
вс
вж
ум
эм
ун
ш
м
д
н
т
н
ф
с

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т. СЁМУШКИН

**ТАЛЕКО
И ЕГО ХРАБРЫЙ ЛИЛИТ**

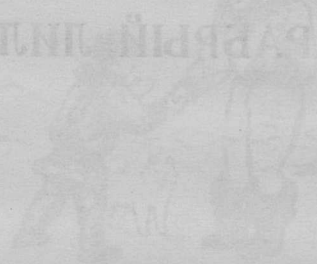
Лилиг сава мөхөлдөдөг бортмеханик, нэрлэн, нийтлэн,
Механик, нэнхот, ниймэлэхэдэнд тиртэ агуйн хэрэг са-

Лилиг сава мөхөлдөдөг бортмеханик, нэрлэн, нийтлэн,
Механик, нэнхот, ниймэлэхэдэнд тиртэ агуйн хэрэг са-

Хансэр тиртэ агуйн хэрэг сава мөхөлдөдөг бортмеханик,
Механик, нэнхот, ниймэлэхэдэнд тиртэ агуйн хэрэг са-

Т. СЕМУШКИН

ТАЕКВОНДО

Последний урок тянулся особенно долго. И когда он кончился, Талеко первым выбежал из школы. Прыгая с камня на камень, он во весь дух помчался к своей яранге. Камни были скользкие от январской оттепели и наледи. Мягкие торбаза с влажной подошвой скользили по ним, но Талеко ни разу не упал. В свои десять лет он был уже ловким прыгуном. И если бы не занятия в школе, он давно ходил бы охотиться на тюленей. А теперь вот и рыбку половить некогда. Хорошо ловить рыбку навагу!

Талеко спешил. Ведь скоро луна скроется в торосах моря. А в темноте не пойдёшь во льды.

Запыхавшись, Талеко вбежал в ярангу. Он быстро приподнял занавеску мехового полога и передал матери школьную сумку. Затем он торопливо схватил рыболовный крючок, мешок из тюленьей кожи и бросился к выходу.

— Талеко! — послышался голос матери. — Не хочешь ли ты убежать куда? Или ты забыл, как я люблю послушать школьные новости.

— Нет, Уакат! Я расскажу, когда наловлю рыбки, — крикнул на бегу мальчик.

Уакат, занимавшаяся шитьём, ещё что-то говорила, но Талеко уже бежал к обрывистому морскому берегу.

Вслед за ним, спотыкаясь и ударяясь мордой о камни, гнался Лилит. Грязный, мохнатый Лилит. Он всегда перепачкается в тюленьем жиру. Его нельзя было бы и любить, если бы Лилит не был таким умным и ласковым. Лилит мог даже смеяться глазами и плакать. Талеко спас ему жизнь. „Оставлять белошерстого щенка — зря корм переводить, — говорил дядя Тенмау. — Всё равно из него не выйдет настоящей собаки“.

Но Талеко уговорил дядю Тенмау не убивать щенка. В тот же день он дал ему кличку „Лилит“, что означает: „Рукавица“. С тех пор Талеко был в большой дружбе с Лилитом.

Обронив рыболовный крючок, Талеко остановился и увидел бегущего за ним Лилита. Талеко рассердился. Он погрозил щенку и внушительно сказал:

— Лилит, домой.

Недружелюбный голос хозяина заставил щенка остановиться. Он сел на задние лапы, стал игриво крутить пушистым хвостом, заискивающе улыбаясь своему другу, хотя лицо Талеко было сердитое, брови нахмурены, губы вытянуты.

— Домой, Лилит! — крикнул он ещё раз.

Но как только Талеко побежал вперёд, Лилит вскочил и, словно рукавица, подхваченная ветром, покатился вслед за мальчиком.

Талеко трижды останавливался и трижды грозил псу. Талеко даже плюнул: „Совсем сдурел Лилит, только время отнимает“.

Ни угрозы, ни просьбы — ничто не действовало на щенка. Всякий раз, как только он присаживался в отдалении, не решаясь подбежать к хозяину, его морда выражала лишь глупое упрямство, у него были совсем бессовестные глаза. Взять бы его сейчас за уши и бросить в ярангу.

Добежав до крутого склона берега, Талеко сел на тюлений мешок. Один миг, и он пулей пронесётся на мешке до самых торосов моря. Хорошо заскользит тюленья кожа по снежному насту.

Талеко хотел было уже оттолкнуться ногами, как расслышал за собой звонкий лай. Он обернулся, и лицо его расплылось в широкую улыбку. Чёрные, немного раскосые глаза заблестели добродушием. Лилит знает выражение этих глаз. Он бешено завил хвостом.

Укоризненно покачивая головой, Талеко с нежностью сказал: — Эх, ты, Лилит! Попробовал бы ты вести себя так в школе.

Лилит этого только и ждал. Услышав ласковый голос хозяина, он мигом сорвался с места, подбежал к сидящему на мешке Талеко и взгромоздился ему на колени.

— Ну, ладно, — сказал Талеко, — поедем. — И они покатались с такой невероятной быстротой, что Лилит закрыл глаза и перестал дышать.

В ледовых полях Талеко почувствовал себя привольно и радостно.

Торосы и одинокие ропаки причудливой формы в лунном освещении казались сказочными. Луна серебрила их, и они блестели, как одноканальное железо на школьной крыше.

— Смотри, Лилит,— сказал Талеко,— вот этот похож на парашют. Знаешь, что такое парашют?

Но Лилит уже убежал вперёд; он также был в восторге.

С пешней в руке Талеко шёл торопливой походкой. На спине его болтался тюлений мешок и рыболовный крючок. Он важно ударял острым концом пешни в лёд и к чему-то прислушивался.

С горы, где находилось селение, доносились голоса людей и лай собаки. А впереди, во льдах, слышался так хорошо знакомый вечный шум моря. Даже в самую тихую погоду лёд, хотя и немного, движется: морские течения не дают ему покоя. Талеко давно всё это знает.

Лилит бежал впереди. Он носился по льдам, поминутно оглядываясь на хозяина. Но какой он обманщик. Вот смотри: почему он остановился и смеётся глазами?

Талеко подходит к нему и говорит:

— Лилит, ты хитрец! Ты думаешь, меня поджидаешь? А ты меня всё равно не обманешь, Лилит! Ты же не знаешь, куда идти.

И, нагнувшись над щенком, поглаживая его, Талеко говорит совсем нежно:

— Поэтому и ждёшь. Я знаю-аю.

Лилит вскочил и опять побежал.

Улыбнувшись ему вслед, Талеко направился в другую сторону, мимо высокой ледяной глыбы. Лилит остановился, поднял мохнатую морду и, словно потеряв рассудок, шарахнулся в сторону хозяина. Он быстро догнал его. Они перелезли через торос.

Там, где несколько дней тому назад была открытая полынья, образовался молодой лёд. Здесь, на грани старого и молодого льда, сидел старик Налек. Около старика лежала большая груда уже замёрзшей рыбы.

— Дедушка! Рыбка есть?— крикнул Талеко.

— Много было. Теперь стороной пошла, подальше. Совсем здесь перестала ловиться.

Талеко подошёл к старику, взял одну рыбку и, направляясь дальше, на ходу стал грызть её.

— Какая вкусная рыбка!

Пройдя немного дальше, Талеко залез на высокий торос и увидел подходящее место. Сбежав с тороса, он осмотрел тонкий лёд и начал долбить лунку.

Закончив работу, Талеко со всей важностью и знанием дела приступил к ловле наваги. Его маленькая фигурка в меховой кухлянке с капюшоном, в меховых штанах и меховой обуви издали напоминала бурого проказника — медвежонка. И движения его, когда он опускал и дёргал лесу, привязанную к маленькой палочке, дополняли это сходство.

Рыба шла косяками и ловилась без всякой наживы. Двойной крючок обязательно подцепит рыбку.

Лицо Талеко засияло. Двумя палочками, быстро перебирая лесу, он вытащил рыбу. Крючок вонзился в хвост. С деланным безразличием Талеко снял её и бросил на лёд. Рыба, оглушённая ударом, лежала спокойно.

Лилит прыгнул к ней. Но как только дыхание его коснулось рыбы, она, словно пружинка из китового уса, изгибаясь, взлетела вверх.

У Лилита вздрогнул чёрный кончик носа. С испуганными глазами пёс перевернулся через спину и бросился бежать без оглядки. Он сел в сторонке и издали беспокойно поглядывал на это невиданное им чудовище. Нос всё ещё нервно подёргивался.

Талеко звонко расхохотался. Он потянул лёску и вытащил сразу две рыбки. Одну из них он бросил Лилиту. Круто повернувшись, Лилит отскочил ещё шага на два.

— Испугался? — сказал Талеко, разрезая навагу на части. — Ешь теперь.

Лилит подошёл к кусочкам рыбы, настороженно понюхал её, не робости лизнул и проглотил.

Луна спускалась во льды, тусклым диском почти касаясь торосов. Рыба ловилась всё лучше и лучше. Недалеко от лунки лежало уже много замёрзшей рыбы.

Лилит вволю наелся и теперь лежал на тюленьем мешке со вздутым животом, изредка вяло открывая глаза. Казалось, что он не особенно доверял хозяину: не ушёл бы.

Луна зашла. Вспыхивали звёзды. Сумерки сгущались. На берегу на склоне горы, как звезда, светился огонёк. „Это школьная лампа“,— подумал Талеко. И, успокаивая себя, сказал:

— Ничего, Лилит. Немного темно— это ничего. Потом можно идти на школьную лампу.

Талеко очень хотелось притащить домой полный мешок наваги. „Вот обрадуется Уакат. Она расскажет всем соседям: Талеко наловил много рыбы. И учительнице можно принести. Ведь она тоже любит рыбку“,— размышлял Талеко, продолжая ловлю.

Всё ярче и ярче горели звёзды. Торосы уже не блестели и казались тёмными холмиками.

И когда стемнело, Талеко заспешил. К мешку, набитому рыбой, он привязал моржовый ремень.

— Ну, вот, Лилит. Пошли домой,— весело сказал Талеко.

Он взялся за ремень, перекинул его через плечо и потащил мешок волоком, как настоящий охотник. Вдруг он сразу остановился.

— Что такое? Почему потухла школьная лампа? Ведь так рано её никогда не тушили.

Талеко бросил ремень и быстро залез на ледяную глыбу. Под ногами путался Лилит.

— Подожди, Лилит, не мешай,— умоляюще сказал Талеко, спокойно всматриваясь в сторону берега. Света в школе не было.

В той стороне вырисовывались лишь смутные очертания не то берега, не то ледяных торосов, не то ночных облаков.

Талеко перебежал на другой, более высокий торос. Пристально вглядываясь, почти не переводя дыхания, он то приседал, то вытягивался во весь рост, становясь на носки. Лицо его побледнело.

Талеко долго искал глазами огонёк. Наконец, он высмотрел еле-еле мерцающий свет. Этот свет был далеко в стороне. „А может быть, это звезда. Нет, так низко звёзды не спускаются...“ Мелькнула мысль, что лёд оторвался и пошёл. Талеко охватил ужас. Невольно он открыл рот, чтобы крикнуть, но тут же закрыл его ладонью. Кричать было страшно.

Не отрывая взгляда от огонька, стоял он неподвижно. И когда опомнился, крикнул:

— Лилит, лёд оторвало!

Талеко скатился по склону тороса, вскочил и побежал. Он бежал так быстро, как, может быть, никогда в жизни и не бегал.

Лилит отстал, высунув язык. А Талеко бежал и бежал, забыв о щенке. Наконец, он вспомнил о нём, на бегу оглянулся и, пробежав ещё немного, остановился.

Подскочил Лилит. Талеко молча схватил его на руки и опять побежал. Ему стало жарко. Вдруг Талеко наткнулся на полоску воды. Лёд здесь дал трещину. Она образовалась внезапно и чёрной змеей, извиваясь и расширяясь, уходила очень далеко. Она казалась живой. Мальчиком овладел страх. И, вспомнив старика, ловившего рыбу, он крикнул в пространство:

— На-а-алек!

Странно прозвучал его одинокий слабый голос в этой безлюдной пустыне. Он был один, далеко от жилых мест.

Талеко стоял словно на берегу чёрной реки, не зная, что делать. Прижав к лицу тёплую морду щенка, он прошептал:

— Лилит, не надо убегать от рыбки. И крючок там. Без еды мы скоро умрём.

И, не раздумывая, он побежал к тому месту, где оставил рыбу.

Мешок, наполненный навагой, лежал как распластавшийся тюлень. Талеко обрадовался, увидев его, сел на него верхом. Вдруг он вспомнил рассказы охотников о сжатии льдов, вскочил и пошёл в глубь больших торосов, подальше от полыни.

Пробираясь среди наторошенного льда, он волоком тянул за собой мешок, зорко всматривался вперёд и оглядывался по сторонам. Всюду были ледяные нагромождения — холмы и даже ущелья. От напряжения уставали глаза.

Талеко остановился и посмотрел на небо. Оно было усеяно яркими звёздами. Каждую звёздочку можно было рассмотреть в отдельности. Кругом таинственный полумрак. И в этом полумраке торосы походили то на зверей, то на яранги, засыпанные снегом. Стоять было страшно — лучше идти.

И Талеко опять пошёл. Он шёл и шёл, не останавливаясь. Куда шёл Талеко, он и сам не знал, лишь бы подальше от полыни. Наконец, его внимание привлекла огромная, как скала, ледяная глыба.

Оставив мешок и посадив на него Лилита, он с пешнёй в руке

обошёл ледяную глыбу кругом и обнаружил в ней небольшую пещерку.

„Надо здесь укрыться“, — подумал Талеко. Вдруг под ногами он ощутил что-то живое и вздрогнул: это был Лилит.

— Нашёл ярангу. Если начнётся ветер, тут будет хорошо. Пойдём, Лилит, за мешком, — сказал Талеко.

Наступила ночь, и мальчик боялся оставаться на просторе.

Он влез в пещерку и пешней стал расчищать пол, выбрасывая куски льда. Находившийся рядом сугроб навёл его на мысль сделать снежную стенку. Не теряя времени, он приступил к работе.

Талеко ловко вырезал пешней снежные кирпичи и закладывал ими вход. Работа подвигалась быстро. Оставив небольшое отверстие, Талеко ползком забрался в пещеру. Он взял заранее приготовленный большой снежный кирпич и замуровал себя изнутри. В пещере наступил полный мрак.

Но здесь тьма не пугала. На расстояние вытянутой руки кругом были ледяные стены. Талеко достал мёрзлую рыбу и стал грызть её. Он сел на тюлений мешок, Лилита посадил к себе на колени. Ощупью Талеко кормил и своего мохнатого друга. В тишине, ничем не нарушаемой, слышалось, как на челюстях Лилита хрустели косточки наваги. Спать не хотелось: мешали думы, разные думы. Думы перенесли его на берег, в селение. „Наверное, старик Налек уже рассказал всем: и матери, и учительнице, и дяде Тенмау. О, дядя Тенмау — великий человек на берегу. Он помогает людям в море. Когда спускается туман, его ревун-сирену на маяке слышно далеко-далеко. А в тёмную ночь он освещает море: пароходам показывает дорогу“, — размышлял Талеко. Он достал ещё одну рыбку, переломил её пополам и, отдавая половину Лилиту, сказал:

— Хватит, больше не дам.

Талеко вспомнил свою заботливую мать, уютную тёплую ярангу, горячий чай. Хотелось пить. Талеко сосал снег, но он не утолял жажду. Талеко решил сделать воду сам. Он набил рукавицу снегом и засунул её к себе подмышку. От рукавицы стало немного холодно.

Вдруг до его слуха донёсся звук, подобный рёву раненого белого медведя. У Талеко остановилось дыхание, в горле застрял кусок рыбы. Он со страхом подумал: „Не померещилось ли?“

Через короткий промежуток времени звук повторился, и Талеко узнал голос ревуна. Разрушив часть снежной стены, Талеко в один миг выполз из пещеры. Он вскочил на ноги, усиленно заморгал, словно проверяя, хорошо ли видят глаза. То, что он увидел, казалось невозможным. В стороне медленно двигался огромный луч света. Вращающийся прожектор маяка ворвался во тьму ночи и, шаря по торосам, тушил звёзды. Луч света двигался то быстро, то медленно, то высоко поднимаясь к небу. И казалось, что он играет, как играют небесные огни северного сияния. Опять донеслись звуки ревуна. „Как же так. Ведь с тех пор, как прошли последние корабли, дядя Тенмау отдыхает. Давно перестал светить маяк, и не ревет сирена. Зимой и маяк отдыхает“. Прожектор осветил мальчика, и на голубых торосах на мгновение заиграли переливы света.

Зачарованный этим видением Талеко ощутил радостное волнение. Не отрываясь, он сопровождал взглядом светлый луч, и на миг ему представилось: около машины, на маяке, стоит дядя Тенмау.

Пальцы без рукавицы замёрзли, но, не чувствуя холода, Талеко захлопал в ладоши, заплясал и крикнул:

— Лилит, Лилит! Иди сюда. Нас ищет Тенмау.

Он схватил собачку на руки, продолжая притопывать. Нет, он не один. На том конце луча были люди, которые думали о нём, искали его. Талеко снял пионерский галстук, прикрепил его к пещне и водрузил флаг над своим жильём.

— Вот смотри, Лилит. Пусть нас видят издалека.

Уставший от работы и волнений, Талеко взглянул на пещеру. Но не хотелось заползать в неё, хотелось долго, долго следить за огнями Тенмау.

Но глаза закрывались от усталости, и Талеко вполз в свою пещеру, опять заделал вход и сел на мешок, прижав Лилита к груди. „Что он понимает, этот Лилит. Ведь его ещё ни разу не запрягали в нарту“.

Талеко захотелось спать, но думы о прожекторе, о ревуна, о берегу отгоняли сон. Наконец он задремал, уткнувшись лицом в тёплую собачью шерсть.

Ночью Лилит завозился, стал вырываться из рук и рычать... Талеко проснулся:

— Ты что, Лилит?

Щенок лаял.

— Что ты, Лилит?— беспокойно спрашивал Талеко.— Или ты думаешь, нарта подъезжает?

Щенок не умолкал. Талеко вышел из пещеры.

Всматриваясь в темноту ночи, Талеко заметил, как в стороне торопливо бежал кто-то огромный. Талеко испугался и зажал морду Лилита. Луч прожектора приближался. И тогда Талеко ясно разглядел белого медведя. Мальчик притаился. Луч света настиг медведя. Хозяин ледяных полей беспомощно оглянулся, заревел, замотал длинной неуклюжей шеей, взметнул мохнатыми лапами и упал на льдину.

Случилось невероятное, непостижимое для белого медведя. В этой спокойной, холодной, огромной ледяной пустыне появился неизвестный враг, ослепляющий глаза. Медведь вскочил и в паническом бегстве, прислушиваясь к звукам ревуна, исчез в торосях льда.

Талеко знал, что белые медведи редко нападают на человека. Но здесь, в одиночестве, вдаль от людей, он перепугался. Талеко крепко держал в руках морду щенка. Лилит скулил, молча проводил медведя взглядом. Талеко выдернул пешню с флагом и опять залез в пещеру.

Уже сидя на коленях у Талеко, Лилит успокоился.

— Ты храбрый, Лилит. Наверное, медведь подумал, что здесь живут настоящие охотники. Ты напугал его своим лаем,— вполголоса сказал Талеко.

Он помолчал немного и подумал: „А может быть, медведя гоняет по льдам Тенмау своим фонарём?“

Талеко закрыл глаза, улыбнулся, прижал щенка к себе и задремал.

Ночь прошла спокойно. Мрак в пещере исчез. Слабый свет проникал через лёд в снежную стену. Талеко проснулся. Он вытащил рукавицу, осторожно развязал её и попил настоящей, вкусной, как ему казалось, воды. Правда, воды было очень мало. Таких порций можно сразу выпить пять, даже десять. Талеко высушил рукавицу, как это делают настоящие охотники, набивая в неё снег до тех пор, пока он не поглотит всей влаги. Остатки наледи в рукавице он выбил, взял одну рыбку и вылез из пещеры.

Звёзды погасли, поднималась луна, наступил день. Ледяная глыба, в которой поместился Талеко, огромным утёсом уходила вверх. С пешней в руке он полез по ней пологим склоном. Талеко захотелось посмотреть землю, берег. Но берега не было видно. В той стороне стелился густой туман. Тяжёлый и влажный, похожий на лебяжий пух, он низко полз над землёй, закрыв собой весь берег и сопки.

В другой стороне пробивался полуденный рассвет. Солнце, словно боясь холодных льдов, подкрадывалось, как бы не решаясь выглянуть. И вдруг как будто из океана вырвались огненно-красные лучи солнца и зажгли край неба. Кругом расстилались необозримые поля поломанного льда. Над всей этой суровой величественной пустыней нависла убаюкивающая тишина.

Талеко улыбнулся и подумал: „Как хорошо“.

Туман опускался всё ниже и ниже. Вот уже обнажились верхушки сопки. Казалось, что они оторвались от земли и как огромные воздушные корабли, плыли в небесном пространстве.

Туман начал расходиться.

„Наверное, люди захотят приехать за мной. Ведь теперь не старый закон, когда нельзя было спасать человека и гневить злых духов „кели“... Но полынья, пожалуй, не пустит. А, может быть, теперь её уже нет?“ — размышлял Талеко.

Он забрался ещё выше и поставил флаг. Отсюда была видна площадка, покрытая молодым льдом. Он решил половить рыбу в запас.

Склонившись над лункой, Талеко опускал и дёргал свой крючок. Но рыбы здесь не было, и он пошёл искать более счастливое место.

Он шёл, не торопясь, вместе с неразлучным Лилитом. Три чёрные точки — глаза и кончик носа щенка — резко вырисовывались на заснеженной ледяной площадке. Лилит вычистился здесь во льдах и стал напоминать настоящего белого пушистого песка. Талеко впервые увидел его таким чистым.

Вдруг он остановился, прислушался, снял шапку, уловил ухом какой-то непонятный звук. „Как далеко ушёл лёд. Ревун чуть-чуть слышен. Нет... Это не ревун... беспрерывно гудит“. С затаённым дыханием, вытянув шею, Талеко замер, стараясь понять, что это такое. И чем дальше он прислушивался, тем светлей становились его глаза. Такой звук издают самолёты.

Талеко проворно вбежал на ближайший торос и увидел берег. Туман исчез. С жадностью Талеко водил глазами по небу, разглядывая, не покажется ли самолёт. И вдруг он заметил в небе чёрную точку. Талеко закричал:

— Самолёт, самолёт!.. Это самолёт. Я знаю.

Рокот самолёта становился всё слышней и слышней. Чёрная точка в небе увеличивалась. Талеко быстро вскарабкался на вершину ледяной глыбы.

Он поднял пешню с флагом и стал ею размахивать. Он стоял без шапки. Глаза его светились радостью. Лилит, глядя на своего хозяина, заскулил и завилял хвостом. „А если не увидит?“ — испуганно подумал Талеко. Отчётливо слышался гул пропеллеров. Самолёт с рёвом летел к Талеко. Вот он пошёл на снижение и, развернувшись, совсем низко пролетел над мальчиком. Самолёт дал круг и покачал крыльями.

— Здравствуй, самолёт! — закричал Талеко.

Но самолёт ушёл дальше, на север.

„Наверное, место ищет...“ — подумал Талеко и хотел было уже бежать за ним, как самолёт повернул обратно. Пролетая над мальчиком, лётчик сбросил один за другим два тюка и повернул к берегу.

Здрав голову, Талеко молча провожал самолёт до тех пор, пока чёрная точка не исчезла в небе.

Спускались сумерки. Загорались одна за другой звёзды. Луна опускалась всё ниже и ниже. Талеко побежал к тюкам.

Он волоком потащил тюк к себе в пещеру. Ещё дотемна он приволок и второй тюк.

Он залез в пещеру, сел на мешок, испытывая приятную усталость, снял шапку, вытер пот. Голова его почти касалась потолка. Немного отдохнув, мальчик радостно сказал:

— Ну, теперь можно и посмотреть. Лилит, где ты?

Талеко ощущал ножны. Ножа не было. „Ай, я-яй, потерял нож!“ Искать его уже поздно. Он стал наощупь развязывать мешок. Долго он копался в темноте.

— Ого-го, Лилит! Вот тут прощупываются свечки. Да, да, это свечки! И спички есть! — радостно крикнул он.

Пещера озарилась ярким светом стеариновой свечи. Талеко рассмеялся:

— Смотри, смотри, Лилит! Ведь это высовывается оленья шкура! А вот меховой спальный мешок! Подожди, подожди, тут ещё что-то есть.

И Талеко быстро извлёк из спального мешка примус, в стужках банку с керосином и чайник.

— Ах, какой добрый лётчик! Да, ты знаешь, Лилит, ведь скоро мы с тобой будем пить чай!.. А это зачем? Красная материя, как пионерский галстук.

Талеко сел на мех и торопливо стал распаковывать второй тюк. Он так увлёкся работой, что совсем забыл о своём одиночестве во льдах.

В этом мешке было продовольствие. Нетерпеливо разбирая его, Талеко вдруг закричал:

— Письмо! Письмо! Письмо! Лилит!
Разорвав конверт, он с волнением стал читать вслух:

„Талеко!

Будь героем! Не вздумай плакать! Я тебя обнаружил и завтра прилечу пораньше. Если будет пурга, тебе придётся подождать. Ты не бойся, я тебя всё равно достану.

Ты поищи ровную площадку — она рядом с тобой. Измерь толщину льда. Если будет двадцать сантиметров, подними флаг. Я положил тебе кусок красной материи. Если будет меньше двадцати сантиметров, флаг не поднимай. Самолёт провалится. Понял, в чём дело? Вот и всё.

Твой друг лётчик *Томилин*“.

— Друг, — сказал Талеко и улыбнулся. — Какой хороший лётчик! Томилин — лётчик. Он прилетал к нам на школьный праздник. Это он меня хлопал по плечу и говорил: „Молодец Талеко, хорошо ты исполнил танец белого медведя“. „Да, я хорошо показал белого медведя“, — подумал он с гордостью.

Талеко подтянул к себе Лилита и опять стал читать письмо вслух. Лилит поднял мохнатую морду.

Талеко был убеждён, что Лилит всё понимает. Письмо от начала до конца было прочитано несколько раз. Талеко нравилось читать. Наконец, он бережно спрятал письмо за пазуху.

— Будем ужинать,— сказал он и взял банку консервов.

Мальчик снова вспомнил о ноже и вздохнул с чувством досады. Банку можно разбить куском льда. Талеко сильно ударил по донышку банки. Кусок льда раскрошился. Лилит в упор смотрел на Талеко.

— Какой ты бестолковый, Лилит. Что же ты не подсказешь? Ведь пешней можно открыть банку.

Он достал пешню, осмотрел её острый металлический конец и покачал головой:

— Не надо, Лилит. Так можно затупить пешню. А ведь завтра нужно долбить лёд для друга-лётчика. Понимаешь?

В эту ночь Талеко и Лилит крепко спали в тёплом мешке. Слышался отдалённый звук ревуна. Лёд дрейфовал на север, всё дальше и дальше от жилых мест.

Талеко внезапно проснулся. Он вскочил и вылез из пещеры. Небо было в звёздах, над льдом стояла ночная тьма.

— Рано ещё. Но всё равно спать не будем. Будем караулить свет,— сказал Талеко.

И как только показались проблески света, Талеко взял кумач, пешню и с важностью взрослого охотника пошёл в торосы искать площадку, о которой писал лётчик.

Это место оказалось недалеко. Талеко залез на торос и оглядел его. Перед ним лежала ровная, чуть-чуть запорошённая снегом длинная дорожка.

„Ишь, какое место подыскал лётчик! Сверху он всё видит, как птица“.

Талеко прошёлся по площадке, пробуя лёд ударом пешни. Лёд хорошо держал человека.

Несколько сильных ударов пешней, и в лунку хлынула вода. Талеко отколол кусок молодого льда и унёс подальше от лунки. Разглядывая ровный край льдинки, Талеко задумался:

„Сколько здесь сантиметров, Лилит, как узнать сантиметры? Ты знаешь, какая это важная задача? Здесь ведь учительницы нет. Кто поправит ошибку?“

— „Метр...— сто сантиметров...“— вспоминал он вслух. Шапка сползла на затылок, лоб нахмурился, и от раздумья мальчика даже бросило в жар.

„Скорей надо думать, Талеко. Свет подходит“, — торопил он себя.

Талеко вдруг вспомнил объяснения учительницы. „Вот спички. Длина спички — четыре сантиметра“.

Талеко побежал в своё жилище, схватил коробочку и, не задерживаясь, направился обратно.

„Нож, вот он! Здесь упали мешки с самолёта“.

Талеко очистил лезвие ножем, приставил к ней пешню, сделал на конце деревянного держака пешни зарубку. Для удобства он сел на лёд, пешню положил на колени и стал прикладывать спичку:

„Вот четыре... ещё четыре. Стало восемь. Ещё четыре... двенадцать. Ещё прибавить четыре... шестнадцать. А правильно ли считал? Четыре раза по четыре. Четырежды четыре — шестнадцать. Правильно...“ — и Талеко свободно вздохнул.

На пятую спичку места до зарубки нехватало. Совсем немного — меньше полспички.

Сколько же будет всего сантиметров?

Талеко подумал, тяжело вздохнул и сказал:

— Наверное, девятнадцать.

Он принялся измерять сначала. Но сколько ни измерял он — результат был тот же. А один раз получилось даже меньше девятнадцати сантиметров.

Талеко встал, воткнул пешню в лёд и с грустью проговорил: — Эх, Лилит, как мало нехватает.

Но Лилит даже не обернулся. Он был занят более важным делом: лапкой чесал за ухом.

Стало светло.

Талеко взглянул на кумач, на пешню. Не нужны они сегодня. Флаг поднимать нельзя. Он взял кумач, встряхнул его. Было тихо, морозно. Бесконечные ледовые поля простирались во все стороны. Воздух был прозрачный, как чистый лёд на озере. Вдали далеко-далеко, виднелся берег. А ведь пешком не пойдёшь туда. Далеко — это ничего, но на пути попадётся открытая вода — и всё: дальше не пойдёшь.

Талеко долго стоял с кумачом в руке. Он оглядел широкое небо, молчаливые торосы, одинокие ропаки, и ещё грустнее стало ему. Гру-

стно от всего того, что он всегда так любил. Лёд и море всегда тянули его к себе. Теперь же все его мысли были на берегу. Даже и ревуна не слышно.

Думы Талеко перенеслись в селение, в школу, туда, где со звонкими голосами бегут его товарищи. И так захотелось ему быть со всеми.

Он вспомнил мать, с которой они жили вдвоём. В тот вечер он не рассказал ей школьные новости. Она ведь так любит слушать их. Вспомнились рассказы её о том, как давно ещё погиб во льдах его отец, хороший, ловкий и сильный охотник. В то время Талеко был ещё совсем маленький. Он даже не помнит отца. „Вот, должно быть, пропаду и я. Мать, наверное, плачет“, — подумал Талеко, и слёзы подступили к горлу.

Но вдруг он заметил на горизонте чёрную точку. Она казалась одинокой птицей в этих пространствах. Он стал пристально всматриваться вдаль и отвлёкся от горестных дум. Хоть бы опять самолёт полетел надо мною. Но что такое? Вон ещё точка показалась рядом с первой. Да это, пожалуй, птицы и есть. Но зачем птицам летать сюда зимой.

Как испуганный песец, Талеко вскочил на ледяную глыбу и до боли в глазах стал всматриваться в эти точки.

„Нет, это не птицы... Да это, пожалуй, самолёты... Два. Зачем же два?“

Вскоре послышалась далёкая, далёкая песня моторов. Самолёты быстро приближались. С рёвом они подходили один за другим.

Талеко бросился бежать на площадку. Но что-то остановило его, и он вернулся обратно. Талеко испугался: самолёты пойдут на посадку. А ведь там нет двадцати сантиметров.

Сердце учащённо забилося, когда самолёты пошли на снижение. Они низко прошли над ним. Пряча кумач за спину, он замахал рукой в сторону берега.

На втором круге самолёты стали подниматься вверх. Талеко обрадовался, опять замахал рукой в сторону берега и сказал с облегчённым вздохом.

— Они поняли меня. Ступайте к берегу!

Передний самолёт покачал крыльями и лёг на обратный курс.

Второй самолёт зашёл опять на круг и, совсем низко опустившись, пролетел почти над головою мальчика. Лётчик успел даже высунуть из кабины голову и помахать рукой.

Талеко засиял от восторга. Он узнал его. Это был Тымнет — чукча, ученик русского лётчика Томилина. Теперь Тымнет был известным ледовым разведчиком.

Пять кругов Тымнет сделал над мальчиком. На последнем круге он что-то сбросил на лёд, так же покачал крыльями и пошёл к берегу, круто набирая высоту.

— До свиданья, до свиданья, Тымнет! — крикнул Талеко в небо. Ему хотелось помахать красной материей, но из боязни сбить с толку лётчиков он воздержался.

Талеко долго провожал глазами самолёт. Передний был уже далеко.

— А где Лилит? — спохватился мальчик и громко стал звать щенка.

Из-за ледовых глыб показалась мохнатая морда щенка. Он кубарем скатился и подбежал к Талеко.

В ледяном домике опять был праздник. В сброшенной посылке были: палатка, ружьё, патроны, книжка, нож для открывания консервов, вызвавший улыбку на лице мальчика.

— О, Лилит! Смотри, какой Тымнет! Он хорошо знает, что нам нужно.

В посылке были новые торбаза, две пары меховых чулок, меховые штаны и совсем новенькие рукавицы. Кроме того, — два больших куска моржового и тюленьего мяса.

И опять письмо!

Письму Талеко обрадовался больше всего. Ему казалось, что он долго-долго не разговаривал с людьми. А письмо — как человек. Ведь Лилит только слушает, а сам не говорит. Он открыл конверт и бережно вытащил листок бумаги.

„Талеко! Я тоже прилетел выручить тебя. Мы обязательно тебя выручим. Ничего не бойся. Если будет пурга, ты всё равно не бойся. У тебя теперь есть всё необходимое.

Тымнет“.

— Вот видишь, Лилит! Ты смотри у меня! Не вздумай плакать,— сказал Талеко и стал накачивать примус. Примус с шумом вспыхнул. Как приятно было смотреть на его синие огоньки.

— Стружки надо положить подальше: загорятся. Это вчера лётчик Томилин столько их наложил, упаковывая банку с керосином.

И когда Талеко стал их собирать, он раскрыл рот от удивления. В стружках лежал точь в точь такой же, как и у его учительницы, клеёнчатый метр. Он схватил его, приложил кончик метра к пешне до зарубки.

— Что такое?..

Талеко протёр глаза и снова посмотрел. Толщина льда равнялась двадцати одному сантиметру... Ведь самолёт мог садиться.

Горел примус. Чайник, набитый снегом, стоял в углу. Талеко вяло держал в руках метр. Слышно было, как по торосам гулял ветер, с шумом проносясь мимо ледовой пещерки.

К ночи поднялась пурга. Как ревун, завыл ветер в ущельях ледовых торосов. Жутко стало во льдах. Даже звери спрячутся в такую непогоду.

Вой пурги глухо отдавался в ледяном домике.

— Мы совсем не будем выходить, Лилит,— сказал Талеко упавшим голосом.— Можно потерять наш домик. Мы будем сидеть до конца пурги.

Он глубоко вздохнул и подумал: „Этот ветер может испортить площадку“.

В домике было не холодно. Стены его были прочные. Ветер не проникал через них. За последнее время Талеко углубил домик и сделал его просторней. Ледяная глыба была такой величины, что в ней можно было поставить много больших яранг.

В домике было уютно. Сложенная вчетверо палатка служила полом. На ней лежала оленья шкура, на шкуре — спальный мешок. Ярко горела стеариновая свечка. Шумел примус, и крышка чайника уже начинала танцевать. В углу, при входе, как это и полагалось в настоящей яранге, стояло заряженное ружьё. Здесь же, на мешке с навагой, лежал рыболовный крючок.

Талеко разулся, снял меховые штаны и оделся во всё новое. Напившись чаю, он залез в мешок.

Спать не хотелось. Он придвинул свечу и взял книжку „Детские и школьные годы Ильича“ на чукотском языке.

Талеко просмотрел картинки. Вот мальчик Володя Ульянов. Талеко разглядывал его лицо, пуговицы на мундире, потом других людей, нарисованных здесь же. У всех была какая-то особая одежда. Здесь, на Чукотке, он не видел у русских такой одежды.

Талеко начал было читать, как завозился в мешке Лилит. Наверное, душно ему стало. Показалась его морда.

— Лилит! А хорошо сделал Тымнет: привез нам книжку. С тобой не поговоришь. А с книжкой можно долго говорить.

Талеко засмеялся, потрепал морду Лилита и впихнул его в мешок.

— Не мешай мне... читать.

Долго читал Талеко. Глухо выла пурга. С книжкой мальчик и уснул. Свеча догорела и сама потухла.

Выл ветер, скрежетал лёд. Пурга усиливалась.

Талеко проснулся от духоты. Он высунул голову из спального мешка и в темноте, с открытыми глазами, стал прислушиваться к завыванию пурги. „Хорошо, что ветер дует вдоль снежной стены, а то занесёт, долго не вылезешь“, — подумал мальчик.

Спать уже не хотелось. Талеко не знал: утро было или ночь. Надо выглянуть на улицу, посмотреть. Может быть, звёзды видно. Но не хотелось ломать так хорошо заделанную дверь. Однако интерес был настолько велик, что Талеко встал, зажёл свечу и с ножом в руке подошёл к двери. Он просверлил в двери дырку и заглянул в неё. В темноте он заметил, как снег вихрем пронёсился вдоль стены. Несколько острых снежинок попало в глаз.

Талеко забил снегом дыру и сел в раздумье. Надо что-нибудь делать. Думать — хуже.

Он накачал примус, поставил чайник и стал есть моржовое мясо, покормил Лилита. Сытное мясо. От него приходит тепло. Вдобавок, он съел две рыбы. Теперь хорошо попить чаю. От горячего чая тепло разлилось по всему телу.

Это был не то завтрак, не то обед, не то поздний ужин. Кто тут разберёт, в этой крошечной пурге.

Взглянув на свечу, стоявшую на куске льда, Талеко вспомнил о подсвечнике. Он видел его в квартире учительницы. Подсвечник

был высокий и красивый. Талеко решил сделать такой же из льда. Он ведь большой мастер вырезать фигурки зверей из моржовых клыков.

Талеко отколол кусок льда и со всем усердием принялся за работу. Постепенно из бесформенной массы стал появляться точёный подсвечник. Отводя подсвечник на вытянутой руке, Талеко любовался им, подмечал недоделки и вновь принимался шлифовать кончиком ножа. Это была кропотливая работа, тем более, что Талеко работал в рукавицах. И, наконец, подсвечник был готов. Талеко приготовил новую свечу и стал её вставлять. Подсвечник раскололся пополам.

— Ну, это ничего,— сказал Талеко.— Второй я сделаю лучше, и он принялся опять за работу.

Прошло много времени, наконец на ящике из-под консервов был установлен красивый подсвечник. Даже свеча горела в нём светлее.

— Вот, Лилит,— удовлетворённо сказал Талеко.— Смотри, теперь не ползай здесь: разобьёшь.

С величайшей предосторожностью мальчик влез в мешок и взял книжку. Свеча горела хорошо. В этот раз он дочитал книжку и стал читать её сначала. Но глаза устали, и он положил книгу под голову.

„Вот интересно... Ленин тоже мальчиком был“,— подумал Талеко. И это так не вязалось с рассказами учительницы о Большом Ленине.

Талеко опять вспомнил школу, где весело, где каждый день были игры, танцы и песни.

Он уснул с этими думами. Но вскоре его опять разбудил щенок. Лилит совался мордой ему подмышку. Талеко чиркнул спичку, разыскивая подсвечник. Но около ящика лежали лишь мелкие кусочки льда.

— Больше не буду делать такой красивый. Надо простой и прочный.

Талеко прислушивался к вою пурги. Она выла, как стадо голодных волков. Он снял шапку, насторожился. И вдруг среди этого воя ясно послышался треск льдов. Талеко растянулся на льду. Затаив дыхание, он приложил ухо ко льду и стал слушать. Море глухо шумело.

Талеко вскочил и стал торопливо собирать нужные продукты и складывать их в спальный мешок. Лыдина была крепкая, но, может быть, придётся уходить отсюда. Теперь уже нельзя спать в меховом мешке. С волнением он сел на него. Не хотелось читать книжку, не хотелось разговаривать с Лилитом. Он сидел и чутко прислушивался

к вою пурги. Он вспомнил свою чистую, тёплую ярангу, мать Уакат. Талеко знает, что она теперь тоже не спит, думает о нём и, может быть, плачет. Но ведь он хотел принести ей рыбки. Так хотелось порадовать её.

„Наверное, лётчики передали ей, что я живой и у меня есть всё, что я не замёрзну и не умру с голода. Только бы льдина не сломалась“.

Мысли путались, сон брал своё. Мальчик засыпал и валялся на спальный мешок, но тотчас же вскакивал, и сон отлетал прочь. Бодрствуя, он опять садился на прежнее место. Так, борясь со сном, он не позволял себе залезать в спальный мешок.

* * *

Пурга бушевала три дня. Когда она угомонилась, Талеко вылез из своего ледяного домика. Кругом всё было по-старому. Лишь в стороне образовалась огромная гора льда.

Талеко поставил флаг над своим домиком и побежал к площадке. Как он и думал, её уже не было.

„Где теперь сядет самолёт?“ — с отчаянием подумал он и вдруг увидел летящие к нему самолёты. Они быстро приближались к красному флагу. Один летел низко, другой над ним — высоко, высоко. Самолёты покружились над флагом и разошлись в разные стороны. Вскоре они опять сошлись и в стороне закружили. Они снизились настолько, что, казалось, крыльями заденут выступы торосов.

Талеко бросился бежать к ним. Вдруг один самолёт с рёвом пронёсся над мальчиком и что-то сбросил. Опять самолёты покачали крыльями и ушли к берегу.

Скоро гул моторов умолк. Наступила такая тишина, что хотелось плакать. Талеко торопливо разорвал конверт и стал читать.

„Талеко!

Теперь полынья в другом месте. Там, где мы кружили. Но полынья ещё не везде замёрзла. Я видел, как плавал тюлень. Сейчас стоят сильные морозы. Скоро будет хороший лёд. Прилетим ещё. Ну, будь здоров. Будь умником. Возле флага сбросил лопату и кайлу. Почистишь бугры, если будут.

Лётчик Томилин“.

Талеко вернулся к себе и стал думать, что такое „бугры“. Наверное, это плохие места для самолёта.

Он взял ружьё и пошёл смотреть полынью. Лётчик видел там тюленя.

Как озеро с наторошенными ледовыми берегами, протянулась полынья. На середине её Талеко увидел тюленя. Он торопливо вскинул ружьё. Раздался выстрел. Громовым эхом пронёсся он по ледяным полям. Тюлень взмахнул ластами и скрылся в море. Вскоре он всплыл и остался лежать на поверхности воды.

— Убил тюленя! — закричал Талеко и потёр щёку рукавицей.

Но тюленя достать было невозможно.

„Ничего. Замёрзнет вода — и тогда можно будет взять“.

И вдруг ему ясно представилось: замёрзнет во льду тюлень — там, где, может быть, должен садиться самолёт.

„Наверное, это будут „бугры“, — подумал он. И хотя тюлени показывались ещё, Талеко уже не стрелял.

* * *

Через несколько дней полынья покрылась прочным льдом. Талеко измерил лёд — двадцать три сантиметра. Он укрепил флаг около замёрзшего на льду тюленя.

Талеко долго думал, как быть с тюленем. Вырубить его — будет дырка. Оставить — вдруг самолёт пробежит здесь и наткнётся на него. Талеко решил водрузить флаг около него, рассчитывая, что самолёт не побежит на флаг.

Но в этот день никто не прилетел. До поздней ночи прождал Талеко на полынье. С раннего утра он ничего ещё не ел, и не хотелось пить.

В сумерках он пошёл к себе.

„Они, наверное, думают, что лёд ещё слабый“, — размышлял он на ходу.

Ледяной домик надоел. Талеко постоял немного, посмотрел на вспыхивающие звёзды, на голубые льды и, чтобы чем-нибудь нарушить тишину, один раз выстрелил.

— Пойдём, Лилит, будем готовить чай.

„А вдруг ночью поднимется ветер и флаг унесёт?“

Он бросил примус, вскочил, взял подмышку Лилита и побежал во весь дух к полынье. Талеко бежал без остановки. Он мигом проскочил это расстояние, быстро отвязал флаг и в сумерках ночи, боясь потерять направление, ещё быстрее побежал обратно. Сердце колотилось до боли, он залез в свой домик. Талеко устало прилёг на спальный мешок и мгновенно уснул.

Его разбудил шум пропеллеров. Сначала показалось, что всё это он слышит во сне. Но когда сон стал явью, он вылез из спального мешка. От радости Талеко даже застонал. Он свалил снежную стенку, схватил флаг и без шапки побежал к полынье.

Самолёты пошли на большой круг. С волнением он привязал флаг и, стоя около него, с сияющим лицом, смотрел на самолёты. От волнения он даже не в состоянии был помахать рукой. Голова его покрылась инеем.

„Вот он идёт. Спасибо тебе, самолёт“.

Как птичьи лапки, лыжи коснулись площадки, подпрыгнули, и огромная стальная птица, замедляя ход, проскочила мимо него. Вслед за ним, не чувствуя под собой ног, побежал Талеко.

Самолёт дрожал, мерно работал мотор. Талеко в одно мгновение оказался на лыже самолёта.

Бортмеханик схватил мальчика за капюшон меховой кухлянки и втащил в кабину. В этот момент самолёт дал полный газ. И когда он был уже в воздухе, Талеко первый раз заплакал. Слёзы потекли ручьём. Бортмеханик нагнулся к нему и крикнул:

— Ты что плачешь?

Талеко не мог говорить. Слёзы душили его. Наконец, он еле-еле проговорил:

— Собачка там... осталась.

Бортмеханик написал несколько слов на бумажке и передал лётчику.

Прочитав записку, Томилин промычал:

— Будь ты неладен.

Самолёт сделал крутой вираж и вновь пошёл на посадку.

Щенок бегал по площадке, разыскивая своего хозяина.

Услышав рёв самолёта, он бросился в сторону и зарылся среди торосов.

Самолёт сел. Бортмеханик прыгнул на лёд и крикнул:

— Где он?

Талеко выглянул из кабины, тревожно посматривая вокруг, и вдруг радостно закричал, показывая рукой:

— Вот, вот он! Вон глаза его и нос. Лилит, Лилит! — ещё громче закричал мальчик.

Лилит поднялся и побежал навстречу бортмеханику. Механик схватил щенка и бегом вернулся на самолёт.

Талеко виновато улыбнулся и взял Лилита к себе на колени.

Едва поднялся самолёт в воздух, как площадка вздулась, раскололась, тонкий лёд со скрежетом и звоном пополз, повалил пешню. Флаг упал. Началось сжатие.

Лит М 698

Инв. № 146

Редактор *В. И. Рубкалёва*

Техн. редактор *А. М. Гурджиева*

Корректор *Л. И. Зайцева*

Подписано к печати 23/III-53 г. М 24463

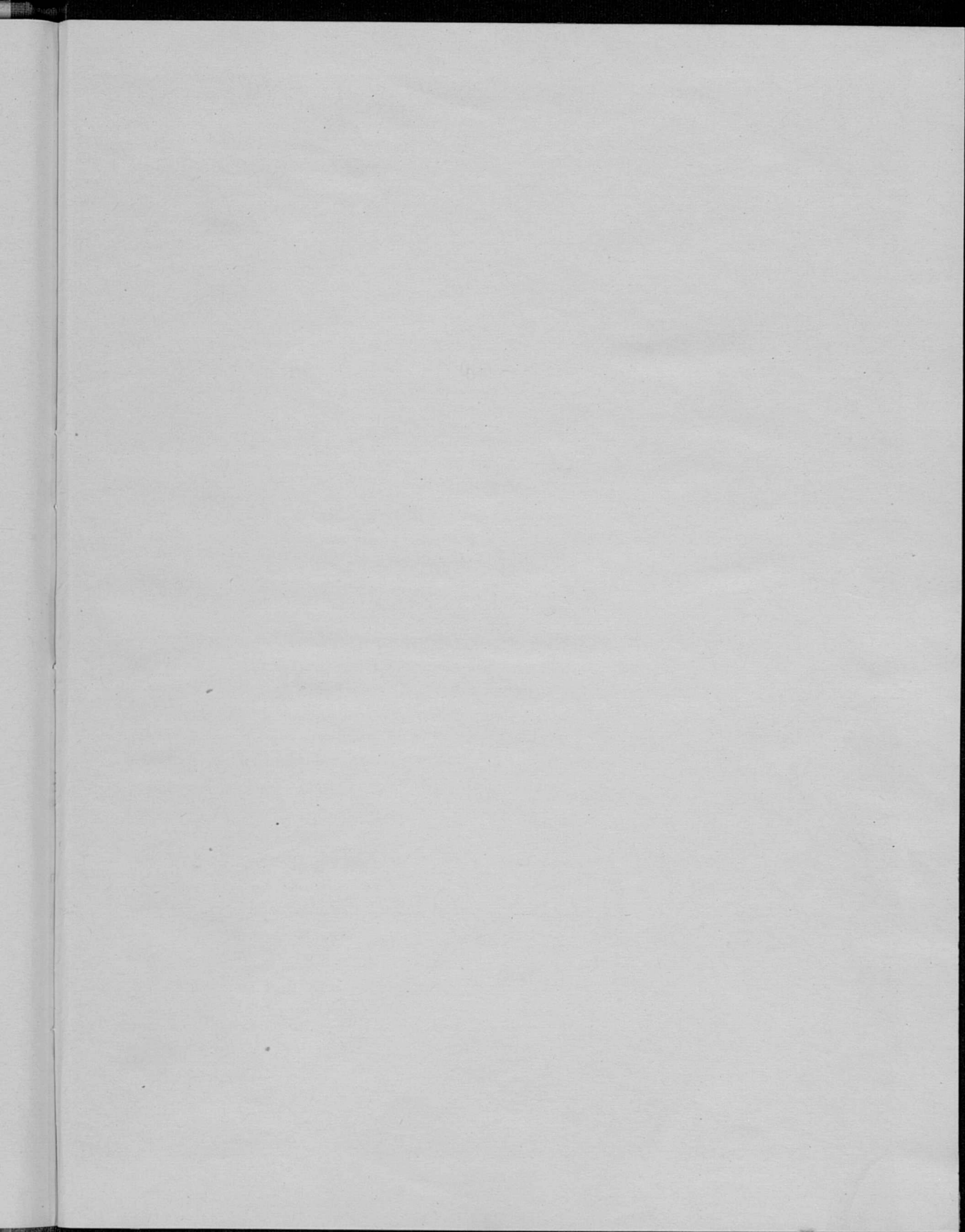
Формат бумаги $70 \times 92\frac{1}{16}$ = Бум. л. 1,88.

Печ. л. 4,39. Уч.-изд. л. 2,79. Тираж 1000 экз.

Заказ № 126. Цена без переплёта 85 коп.

Переплёт 50 коп.

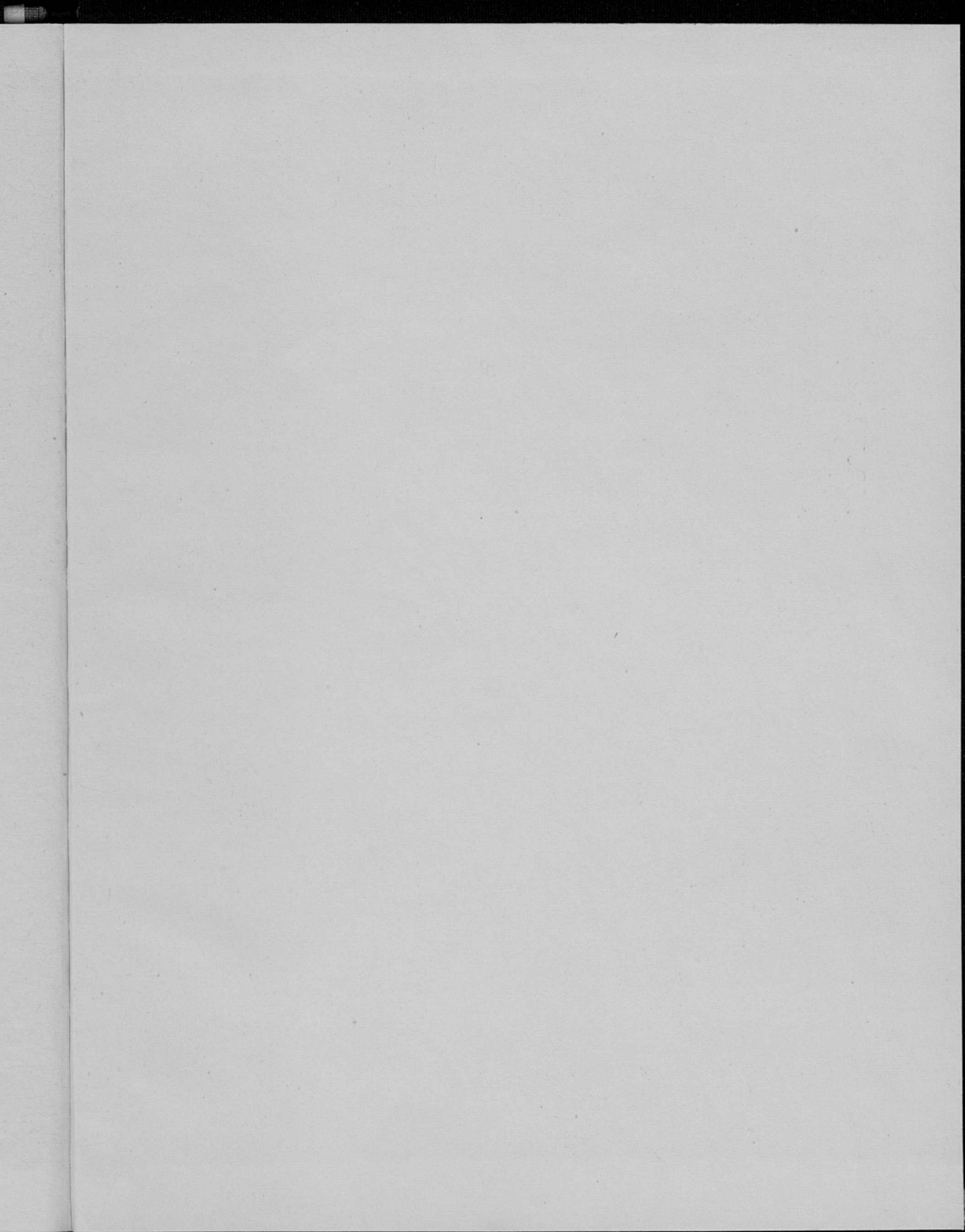
Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

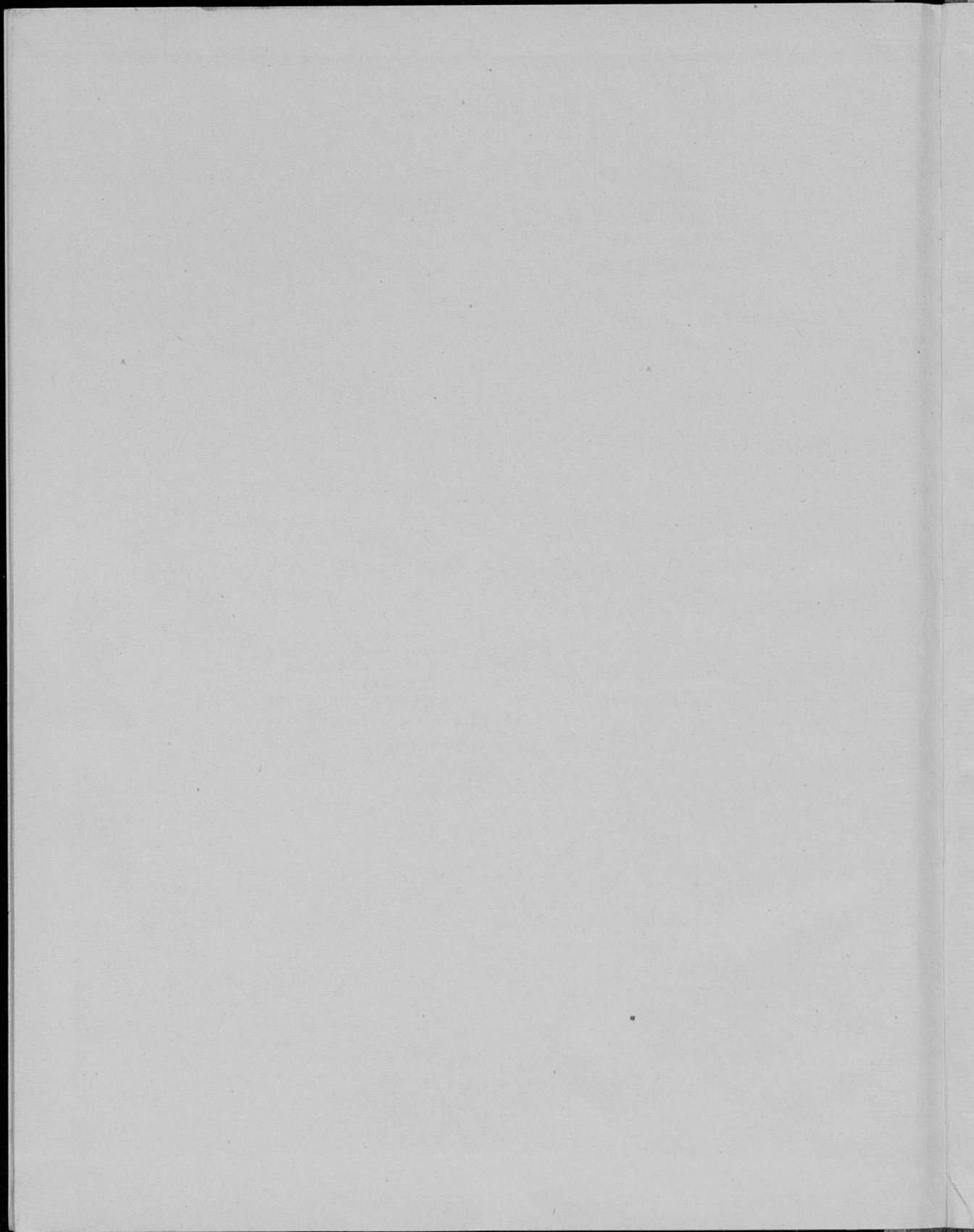

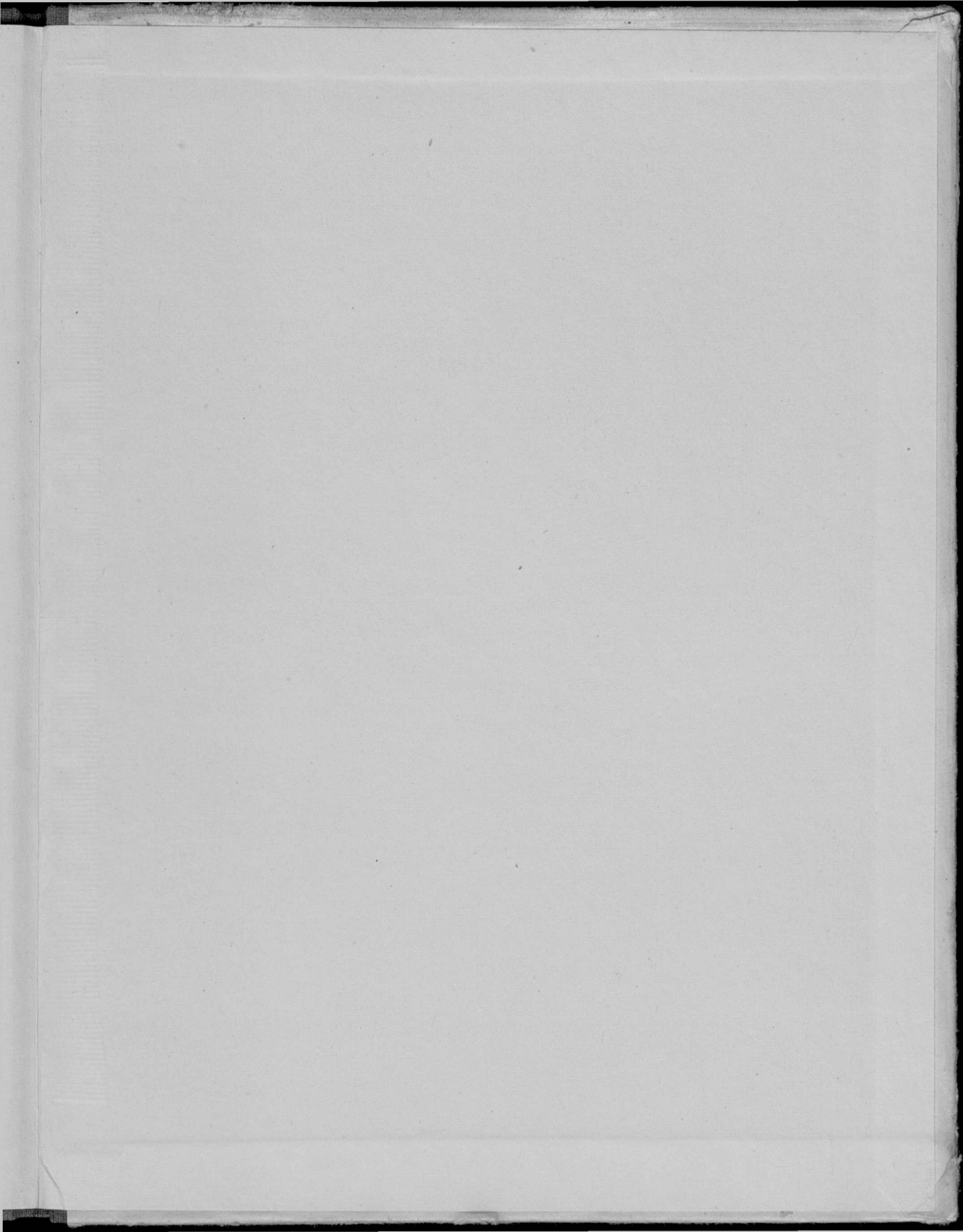
Редактор *В. М. Губинин*
Техн. редактор *А. М. Гурджиева*
Корректор *Л. Н. Зайцева*

Подписано к печати 28/10-53 г. в 2400
Формат бумаги 70x90/16 Бум. л. 126
Дол. л. 439 Условн. л. 279 Тираж 1000 экз.
Заказ № 126 Цена без пересылки 30 коп.
Пересылка 50 коп.

Типография № 3 Издательского центра

53-11322/4

Цена 1 р. 35 к.

1 9 2 2 2
|-----| Ненец.
| 3-51

Т. Семушкин
ТАЛЕКО И ЕГО ХРАБРЫЙ ЛИЛИТ
на ненецком языке

Л. 1111 1